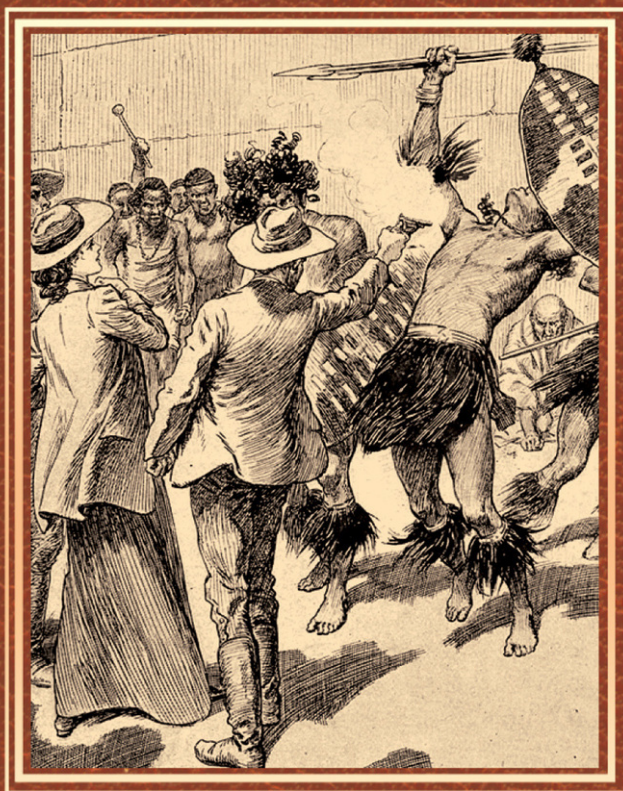

Генри Райдер
Хаггард
Люди тумана

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Генри Райдер Хаггард

**Люди тумана. Бенита, или
Дух Бамбатсе (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1894, 1906

Хаггард Г.

Люди тумана. Бенита, или Дух Бамбатсе (сборник) / Г. Хаггард — «ВЕЧЕ», 1894, 1906 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4444-9183-6

На семью Утрамов сыплются одни неудачи. Братья Леонард и Томас дают друг другу клятву – вернуть все, что потеряли в Англии, либо погибнуть на чужбине. Черный континент встречает одного из них отчаянием и криком о помощи. «Постарайся помочь мне, и ты получишь хорошее вознаграждение. Даже если тебе не удастся помочь мне и ты останешься жив, то все-таки получишь награду!» В мире работоторговцев и золотоискателей такое предложение из уст женщины с безумным взглядом может напугать или насмешить. Но человеку, которому уже нечего терять, сделать выбор совсем нетрудно. В настоящий том серии «Мастера приключений» включены два романа Хаггарда с элементами мистики о поисках сокровищ – «Люди тумана» и «Бенита».

ISBN 978-5-4444-9183-6

© Хаггард Г., 1894, 1906

© ВЕЧЕ, 1894, 1906

Содержание

Библиография Генри Райдера Хаггарда	6
Люди тумана	8
Глава I. Грехи отцов падают на детей	8
Глава II. Клятва	13
Глава III. Семь лет спустя	20
Глава IV. Похороны	23
Глава V. Оттер дает совет	28
Глава VI. Рассказ Соа	31
Глава VII. Леонард клянется кровью Аки	35
Глава VIII. Отправление	39
Глава IX. Гнездо желтого дьявола	43
Глава X. Леонард составляет план действий	48
Глава XI. Храбрость Оттера	52
Глава XII. Аукцион...	57
Глава XIII. Полночное бракосочетание	63
Глава XIV. Месть	69
Глава XV. Разочарование	72
Глава XVI. Недоразумения	77
Глава XVII. Смерть мэвума	79
Глава XVIII. Соа показывает зубы...	83
Глава XIX. Конец путешествия	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Генри Хаггард

Люди тумана. Бенита, или Дух Бамбатсе

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Хаггард Генри Райдер

Библиография Генри Райдера Хаггарда

[герои серий: *А – Аиша, *А.К. – Аллан Квотермейн]

- «Рассвет» (Dawn, 1884)
- «Голова ведьмы» (The Witch's Head, 1884)
- «Копи царя Соломона» (King Solomon's Mines, 1885) *А.К.
- «Она» (She. A History of Adventure, 1886) *А
- «Джесс» (Jess. A Tale of the Boer War, 1887)
- «Аллан Квотермейн» (Allan Quatermain, 1887) *А.К.
- «Завещание мистера Мизона» (Mr. Meeson's Will, 1888)
- «Месть Майвы» (Maiwa's Revenge, 1888) *А.К.
- «Полковник Кварич» (Colonel Quaritch, V.C., 1888)
- «Клеопатра» (Cleopatra, 1889)
- «Жена Аллана» (Allan's Wife, and Other Tales, 1889) *А.К.
- «Беатрис» (Beatrice, 1890)
- «Мечта Мира» (The World's Desire, 1890) – соавтор Эндрю Лэнг
- «Эрик Светлоокий» (Eric Brighteyes, 1891)
- «Нада» (Nada the Lily, 1892)
- «Дочь Монтесумы» (Montezuma's Daughter, 1893)
- «Люди тумана» (The People of the Mist, 1894)
- «Сердце мира» (Heart of the World, 1895)
- «Джоанна Хейст» (Joan Haste, 1895)
- «Колдун» (The Wizard, 1896)
- «Доктор Терн» (Doctor Therne, 1898)
- «Ласточка» (Swallow: A Tale of the Great Trek, 1899)
- «Черное Сердце и Белое Сердце, и др. истории» (Black Heart and White Heart, 1900)
- «Лейденская красавица» (Lysbeth. A Tale of the Dutch, 1901)
- «Жемчужина Востока» (Pearl-Maiden: A Tale of the Fall of Jerusalem, 1903)
- «Стелла Фрегелиус. История трех судеб» (Stella Fregelius: A Tale of Three Destinies, 1903)
- «Братья» (The Brethren, 1904)
- «Аиша: Она возвращается» (Ayesha: The Return of She, 1905) *А.
- «Путь духа» (The Way of the Spirit, 1906)
- «Бенита» (Benita: An African Romance, 1906)
- «Прекрасная Маргарет» (Fair Margaret, 1907)
- «Короли-призраки» (The Ghost Kings, 1908)
- «Желтый бог, африканский идол» (The Yellow God; an Idol of Africa, 1908)
- «Хозяйка Блосхолма» (The Lady of Blossholme, 1909)
- «Утренняя Звезда» (Morning Star, 1910)
- «Перстень царицы Савской» (Queen Sheba's Ring, 1910)
- «Красная Ева» (Red Eve, 1911)
- «Махатма и заяц» (The Mahatma and the Hare: A Dream Story, 1911)
- «Мари» (Marie, 1912) *А.К.
- «Дитя Бури» (Child of Storm, 1913) *А.К.
- «Ожерелье Странника» (The Wanderer's Necklace, 1914)
- «Священный цветок» (The Holy Flower, 1915) *А.К.
- «Дитя из слоновой кости» (The Ivory Child, 1916) *А.К.
- «Кечвайю Непокорный, или Обреченные» (Finished, 1917) *А.К.

- «Вечная любовь» (Love Eternal, 1918)
«Луна Израиля» (Moon of Israel: A Tale of the Exodus, 1918)
«Когда мир содрогнулся» (When the World Shook, 1919)
«Древний Аллан» (The Ancient Allan, 1920) *A.K.
«Суд фараонов» (Smith and the Pharaohs, and Other Tales, 1920)
«Она и Аллан» (She and Allan, 1921) *A, *A.K.
«Дева Солнца» (The Virgin of the Sun, 1922)
«Дочь Мудрости» (Wisdom's Daughter, 1923) *A
«Хоу-Хоу, или Чудовище» (Heu-Heu, or The Monster, 1924) *A.K.
«Владычица Зари» (Queen of the Dawn: A Love Tale of Old Egypt, 1925)
«Сокровище Озера» (The Treasure of the Lake, 1926) *A.K.
«Аллан и боги льда» (Allan and the Ice Gods: A Tale of Beginnings, 1927) *A.K.
«Мэри с острова Марион» (Mary of the Marion Isle, 1929)
«Валтасар» (Belshazzar, 1930)

Люди тумана

Глава I. Грехи отцов падают на детей

Наступила ночь. В холодном январском воздухе стояла такая тишина, что ни одна веточка обнаженных буковых деревьев не шевелилась; луговая трава была покрыта тонким белым слоем снега, на котором резко выделялись темные ели, окаймлявшие дорогу.

В тот вечер, с которого начинается наш рассказ, на этой дороге стоял молодой человек, посматривавший нерешительно вправо и влево. Вблизи виднелись величественные железные ворота фантастического вида, поддерживаемые каменными столбами, на вершине которых стояли грифы из черного мрамора, державшие в лапах щиты с гербом, украшенным девизом – «Per ardua ad astra»¹. За воротами шла широкая дорога для экипажей, по краям которой темнели вековые дубы. В конце дубовой аллеи, почти в полумиле от проезжей дороги, возвышалось большое старинное здание, заметное издали, благодаря возвышению, на котором оно стояло.

Молодой человек долго и серьезно смотрел на здание, глядевшее на него с холма, и лицо его подернулось дымкой печали. Он был довольно красив, хотя, казалось, с него уже слетело все очарование юности. Сумрачный, суровый вид, стройная фигура, атлетическое телосложение, средний рост – таким был на вид Леонард Утрам – так звали молодого человека.

Пока Леонард медлил на дороге, не решаясь, по-видимому, при всем своем желании, пройти в желанные ворота, послышался шум колес экипажей, отъезжавших от подъезда большого здания.

«Должно быть, аукцион кончился, – скорее бы разделаться со всеми!» – подумал он и хотел удалиться, но один из экипажей был уже у ворот, и Леонард поспешил спрятаться в тень от каменного столба ворот, чтобы не быть замеченным на открытой дороге. У самых ворот экипаж остановился, и кучер, соскочив с козел, стал поправлять что-то в упряжи, так что Леонард мог разглядеть седоков: жену и дочь соседнего сквайра, и слышать их разговор. Он хорошо знал этих дам: с младшей ему часто приходилось встречаться на местных балах.

– Как дешево шли вещи, Ида, – произнесла старшая из дам, – подумать только, что старинный дубовый буфет пошел всего за десять фунтов. Это старинная вещь, и я уверена, что цена ему, по меньшей мере, пятьдесят фунтов. Я продам наш и поставлю его в столовой. Давно уже я мечтала о таком буфете!

Дочь вздохнула и отвечала немного резко:

– Мне так жаль Утрамов, что нет никакого дела до этого буфета, даже если бы вы приобрели его за два пенса. Какое страшное разорение! Подумать, что это старинное поместье куплено евреем! Том и Леонард совершенно разорены; говорят, им не останется ни одного пенса. Я чуть не заплакала, увидав, как продавали ружья Леонарда!

– Очень печально, в самом деле, – рассеянно отвечала мать, – но если он и еврей, то что же из этого? У него есть титул и, говорят, он страшно богат. Думаю, что он скоро совсем поселится в Утраме. Кстати, милая Ида, я хотела бы, чтобы ты излечилась от привычки называть молодых людей просто по имени. Я говорю это не о тех двоих, которых мы, без сомнения, не увидим больше никогда!

– А я, наоборот, надеюсь, что увидим, – смело отвечала Ида, – и по-прежнему буду звать их просто по имени. Вы не запрещали подобного до их разорения, и я люблю их обоих. Зачем

¹ Через тернии к звездам (лат.).

вы взяли меня на этот ужасный аукцион? Вы знали, что я не хотела ехать. Теперь я буду расстроена целую неделю... – и экипаж отъехал, так что Леонард не мог ничего более слышать. Выйдя из тени, он, перекрестив удалявшийся экипаж, проговорил громко: «Благослови вас Бог за ваше доброе сердце, Ида! Дай Бог вам счастья!»

– А теперь надо закончить с другим делом! – прибавил он, зашагав вдоль дороги.

Ярдах в ста далее по дороге видны были еще одни ворота, гораздо менее величественные, чем те, которые вели к Утрам-Холлу. Леонард прошел через них и очутился перед дверьми четырехугольного каменного здания, построенного с большим вкусом. Это был дом приходского священника, занимаемый преподобным и достоуважаемым Джеймсом Бичем, которому здание это подарил отец Леонарда, старый школьный товарищ священника.

Леонард позвонил у входа и, заслышав отдаленный звук звонка, невольно спросил себя, какой прием он встретит теперь в этом доме?

До сих пор его принимали очень сердечно, но сейчас обстоятельства изменились. Он уже не занимал в обществе положения второго сына сэра Томаса Утрама, владельца Утрам-Холла. Он был теперь нищим, бездомным бедняком, сыном злостного банкрота и самоубийцы. Беззастенчивые слова старой дамы из экипажа пролили свет на многое, чего он ранее не замечал. Он вспомнил известную поговорку – дружба следует за счастьем, – значение которой стало ясно ему только теперь. Пришли ему на память и часто слышанные им в церкви слова Священного Писания: «имущему дается, а от неимущего отнимается и то, что он имеет».

Впрочем, хотя он и бедняк, но все-таки обладает еще сокровищем, которое Провидение может дать человеку в юности – любовь перелестной женщины, которой он отвечал взаимностью.

У преподобного Джеймса Бича была дочь по имени Джейн, пользовавшаяся репутацией красивейшей и очаровательнейшей девушки во всей округе. Леонард и эта девушка, знавшие друг друга со школьных лет, были влюблены, и, когда молодой человек сделал Джейн предложение, оно было принято с восторгом.

Целью этого посещения Леонардом дома священника было увидеть Джейн и обговорить все с ее отцом относительно брака. Надо сказать, что его обручение с молодой девушкой не было официально объявлено.

Конечно, со стороны ее родителей не встречалось никакого препятствия браку: хотя Леонард и был младший сын, но все хорошо знали, что он должен наследовать после своей матери состояние в 50 тысяч фунтов, или более. Кроме того, Провидение дало крайне слабое здоровье его старшему и единственному брату Томасу. Но сэр Томас Утрам пользовался репутацией гордого человека и едва ли взглянул бы благосклонно на брак Леонарда с дочерью мистера Бича. Ввиду этого родители Джейн, узнав о сделанном ей Леонардом предложении, решили воздержаться от всяких внешних проявлений радости из-за того, что дочь их пленила такого блестящего молодого человека, по крайней мере, до тех пор, пока Леонард не добьется самостоятельного положения в обществе.

Очень часто впоследствии они хвалили себя за предосторожность; тем не менее они признавали Леонарда обрученным женихом своей дочери. В общем, дело это не было секретом ни для кого, исключая, может быть, самого сэра Томаса. Со своей стороны, Леонард не давал себе труда скрывать что-либо от него, но отец и сын так редко встречались друг с другом и отчуждение между ними было настолько велико, что сын не считал нужным говорить отцу о предмете, столь близком его сердцу, не видя пока необходимости в этом.

Преподобный Джеймс Бич был здоровый мужчина внушительного вида. Никогда он не выглядел более здоровым и внушительным, как в тот вечер, когда Леонард пришел к нему. Он стоял перед камином в гостиной, держа в обеих руках огромную старинную серебряную чашу в таком положении, что со стороны можно было бы подумать, что он только что осушил ее

содержимое. В действительности он искал клеймо на дне сосуда, все время расхваливая жене и детям – у Джейн был брат – ценность и красоту старинной вещи.

Блеск серебра бросился в глаза Леонарду, когда он вошел в комнату; в серебряном сосуде, которым восхищался мистер Бич, он узнал одну из вещей, принадлежавших семье Утрамов.

Неожиданное появление молодого человека произвело различное впечатление на всех находившихся в комнате. Мистер Бич, опустив чашу, в молчаливом изумлении стал смотреть на него. Жена его, маленькая живая женщина, круто повернувшись в своем кресле, как на пружинах, воскликнула: «Боже, кто бы мог подумать!», тогда как сын, крепкий молодой человек, одних лет с Леонардом и его школьный товарищ, произнес: «А, дружище, вот не ожидал тебя увидеть сегодня». Только Джейн, прелестная девушка высокого роста, с густыми каштановыми волосами, сидевшая у огня на низеньком стуле и уделявшая мало внимания лекции отца о старинной вещи, выразила живое удовольствие при появлении Леонарда. Радостно вскочив со своего места и покраснев, она бросилась к нему со словами: «О, Леонард, дорогой Леонард!»

Мистер Бич обратил свои очи на дочь и произнес внушительно одно только слово: Джейн! – таким тоном, в котором счастливо сочетались отеческий упрек и дружеское предостережение. Джейн внезапно остановилась, словно вспомнив недавний урок. Тогда мистер Бич, поставив чашу на стол, приблизился к Леонарду с широкой улыбкой сострадания и протянутой рукой.

– Как вы поживаете, мой милый? – произнес он. – Мы не ожидали...

– Видеть меня при настоящих обстоятельствах? – перебил его Леонард. – Я узнал, – продолжал он, – что аукцион, отсроченный на три дня, не закончен и сегодня!

– Да, Леонард, совершенно верно. Сначала была назначена трехдневная распродажа, но аукционер нашел, что за это время он не может покончить со всем делом. Стоимость такого древнего дома, как Утрам-Холл, конечно, должна быть огромна! – И мистер Бич сделал рукою широкий жест.

– Да! – сказал Леонард.

– Гм... – продолжал мистер Бич после паузы, которая начинала становиться неловкой. – Все-таки вас можно поздравить с тем, что, в общем, вещи продавались хорошо. Не всегда случается, что такие коллекции редкостей дорого оцениваются на публичных аукционах, хотя для самих владельцев они и представляли большую ценность. Да, они продавались очень хорошо, главным образом, благодаря многочисленным покупкам нового владельца поместья. Вот, например, эта чаша, купленная мною... гм... как маленькая память о вашей семье, стоила мне всего десять шиллингов за унцию!

– В самом деле? – холодно отвечал Леонард. – Я всегда думал, что она стоит пятьдесят!

Наступила новая пауза, во время которой все присутствующие, за исключением мистера Бича и Леонарда, один за другим поднялись со своих мест и оставили комнату. Джейн ушла последней со слезами на глазах, как заметил Леонард, когда она проходила мимо него.

– Джейн! – произнес значительно ее отец, когда молодая девушка была уже у двери. – Позаботься вовремя одеться завтра к обеду. Вспомни, что у нас будет молодой мистер Коген!

Вместо ответа на это замечание Джейн ушла, хлопнув дверью. Очевидно, предстоявшее прибытие гостя не было особенно приятно для нее.

– Да, Леонард, – продолжал мистер Бич, когда они остались одни, тоном, выражающим участие, но который все же страшно резал ухо его слушателя, – печальное событие, печальное. Но что же вы не сели?

– Потому что меня никто не приглашал! – отвечал Леонард, беря стул.

– Гм... – продолжал мистер Бич, – кажется, мистер Коген ваш друг, не правда ли?

– Знакомый, а не друг! – сказал Леонард.

– В самом деле? Если не ошибаюсь, вы учились с ним в одном колледже?

– Да, но я не испытывал к нему особой симпатии!

– Предубеждение, мой дорогой, предубеждение, – небольшой грех, конечно, но все же вам следует бороться с ним. Правда, вполне естественно, что вы не можете тепло относиться к человеку, который будет на днях собственником Утрам-Холла. Ах, как я уже сказал, все это очень печально, но для вас большое утешение в том, что по продаже всего можно будет покрыть полностью долги вашего несчастного отца. А теперь скажите, не могу ли я сделать чего-нибудь для вас или вашего брата?

Леонард подумал, что каковы бы ни были проступки его отца, все же едва ли намек на них был уместен в устах мистера Бича, обязанного всем на свете его доброте. Но он не стал ничего говорить в защиту своего отца, – это было бесполезно, а перешел прямо к собственным делам.

– Да, мистер Бич, – сказал он серьезно, – вы можете оказать мне большую услугу. Вы знаете жестокое положение, в которое попали я и мой брат, без всякой вины с нашей стороны: наш старый дом продан, наши средства исчезли, и наше честное имя запятнано. В настоящее время у меня осталось всего 200 фунтов, сохраненных мною. У меня нет профессии, и я не могу даже закончить своего образования, не имея средств заплатить за пребывание в колледже!

– Плохо, должен сказать, очень плохо, – пробормотал мистер Бич, потирая подбородок. – Но при настоящем положении дел чем же я могу помочь вам? Вы должны уповать на Провидение; оно никогда не покидает достойных!

– Вы можете помочь мне, – отвечал взволнованно Леонард, – оказав мне доверие объявлением о моей помолвке с Джейн!

Мистер Бич сделал движение рукою, как бы отмахиваясь от надоедавшего ему сумасшедшего.

– Подождите, – продолжал Леонард, – я знаю, что прошу многого, но слушайте. Хотя все и обстоит мрачно, но у меня осталась вера в себя. С той поддержкой, которую даст мне любовь вашей дочери, и зная, что для получения ее руки я должен буду сначала достичь того положения, какого достоин Джейн, я совершенно убежден, что буду способен собственными силами преодолеть все трудности!

– Ну, я не могу больше слушать такой вздор! – вскричал гневно мистер Бич. – Леонард, это наглость! Конечно, все отношения, существовавшие до сих пор между вами и Джейн, должны прекратиться. Помолвка! Я не слыхал ни о какой помолвке. Мне известно, что между вами и Джейн были действительно какие-то детские глупости, но я не придавал им никакого значения!

– Вы, кажется, забыли, сэр, – сказал Леонард, с трудом сдерживая раздражение, – что не далее как шесть месяцев тому назад между вами и мною был разговор по этому поводу, во время которого было решено, что я не буду говорить ничего моему отцу до получения степени!

– Повторяю вам, что это наглость, – отвечал энергично мистер Бич, уклоняясь от прямого ответа. – Как?! Вы, не имеющий ничего на свете, кроме имени, которое ваш отец... ну, запятнал, – употребляю ваше же выражение, – вы просите у меня руки моей дорогой дочери? Вы настолько эгоистичны, что не только хотите разрушить ее счастье, но и увлечь ее в бездны вашей бедности. Леонард! Я никогда не ожидал этого от вас!

Леонард не мог больше себя сдерживать:

– Вы говорите неправду. Я просил у вас не руки вашей дочери, а только обещания ее, когда я стану достойным этой чести. Но теперь все кончено. Я уйду, как вы того требуете, но прежде скажу вам все как есть. Вы желаете воспользоваться красотой Джейн, чтобы залучить этого еврея. О ее счастье вы не думаете, рассчитывая просто на его деньги. Она мягкого характера, и очень возможно, что вам удастся ваш замысел, но это не принесет вам счастья. Вы, обязанный всем нашей семье, теперь, когда несчастье обрушилось на нас, лишаете меня единственного сокровища, которое еще оставалось у меня. Разрывая связь, о которой все знали, вы толкаете нас еще глубже в грязь. Пусть будет так, но я уверен, что такое поведение найдет

должное возмездие, и придет время, когда вы будете горько раскаиваться в том, что так поступили с вашей дочерью и отвернулись от меня в несчастье. Прощайте!

С этими словами Леонард, повернувшись, оставил комнату и жилище мистера Бича.

Глава II. Клятва

Артур Бич, брат Джейн, стоял в передней, ожидая выхода Леонарда, но последний прошел мимо него, не сказав ни слова, и захлопнул за собой дверь. На дворе шел снег, но не такой густой, чтобы затмить свет луны, пробивавшийся сквозь чашу елей.

Леонард пошел по аллее к воротам и внезапно услышал глухой шум за собой. Он обернулся с неудовольствием, думая, что за ним следует Артур Бич. В эту минуту он был совсем не намерен продолжать разговор с кем-либо из мужчин этой семьи. Но неудовольствие его превратилось в радость, когда он очутился лицом к лицу не с Артуром Бич, а с самой Джейн, лицо которой никогда не казалось ему таким прекрасным, как сейчас, при падавшем снеге и лунном свете. Впоследствии, когда бы ни думал Леонард о ней, – а это случалось часто, – в его воображении вставал образ прелестной высокой девушки, с каштановыми волосами, слегка припорошенными снегом, с тяжело поднимавшейся от волнения грудью и большими серыми глазами, с состраданием глядевшими на него.

– О, Леонард! – взволнованно проговорила она. – Почему вы ушли, не попрощавшись со мной?

Он смотрел на нее молча, прежде чем отвечать, и что-то в его сердце сказало ему, что он в последний раз смотрит на любимую девушку.

Наконец он заговорил, и слова его были весьма прозаичны:

– Вам не следовало идти по снегу в этих тонких ботинках, Джейн. Вы можете простудиться!

– Я хочу, чтобы это случилось, – с отчаянием отвечала она, – я хочу простудиться насмерть; по крайней мере, тогда моя тревога исчезнет. Пойдемте в беседку; никто не подумает искать нас там!

– Как вы пойдете туда? – спросил Леонард. – Отсюда до беседки сто ярдов, и снег засыпал все дорожки!

– О, ничего, что снег! – отвечала она.

Но Леонард думал иначе, однако тотчас нашел выход из затруднительного положения. Убедившись сначала, что на аллее никого не было, он наклонился и без всяких объяснений и извинений, подняв Джейн на руки, как ребенка, пошел с нею по дорожке к беседке. Она была тяжела, но он желал, чтобы этот переход продолжался как можно дольше.

Вот они оба в беседке. Леонард поцеловал Джейн в губы и уселся у ее ног. Затем, сняв свое пальто, он набросил его на плечи девушке.

За все это время Джейн не произнесла ни слова. Бедная девушка почувствовала себя настолько счастливой на руках у любимого человека, что ей больше ничего не было нужно.

Леонард первый прервал молчание.

– Вы спросили меня, почему я ушел, не простившись с вами, Джейн? Это потому, что ваш отец отказал мне от дома и запретил иметь что-либо общее с вами!

– Почему же? – спросила девушка, заломив в отчаянии руки.

– Разве вы не догадываетесь? – отвечал он с горьким смехом.

– Да, Леонард! – простонала она, сочувственно пожав ему руку.

– Быть может, лучше прямо сейчас выяснить все, – произнес снова Леонард, – это может устранить различные недоразумения. Ваш отец отказал мне от дома потому, что мой отец растратил состояние. Грехи отцов падают на детей, как видите. Сделал он это с большей, чем обычно, решительностью и быстротой потому, что желает выдать вас замуж за молодого мистера Когена, ростовщика и будущего владельца Утрама!

Джейн вздохнула.

– Знаю! Знаю! – сказала она. – О, Леонард, я ненавижу его!

– В таком случае, лучше не выходить за него! – отвечал он.

– Я скорее умру! – решительно произнесла она.

– К несчастью, не всегда можно умереть, когда хочешь!

– О, Леонард, не будьте таким ужасным, – вскричала она. – Что будет с вами и что мне теперь делать?

– Меня ждет, вероятно, очень печальная судьба, – отвечал он, – но, в конце концов, все зависит от вас. Смотрите, Джейн! Я люблю вас, охотно пошел бы на смерть за вас, и если вы будете верны мне, то я всегда останусь верен вам. Счастье пока отвернулось от меня, но я могу снова вернуть его, это вопрос времени, однако, быть может, не одного года!

– О, Леонард, конечно, я сделаю все, что могу. Я уверена, что вы любите меня не больше, чем я вас, но только вы не можете понять, как они все настраивают меня против вас, особенно папа!

– Хорошо, Джейн, – сказал Леонард, – дело вот в чем: или вы должны положить конец их настояниям, или отказаться от меня. Послушайте: через шесть месяцев вам будет двадцать один год, и тогда никакие силы на свете не могут принудить женщину выйти замуж против ее желания, или помешать ее замужеству с избранным ею человеком. Затем, вы знаете мой клуб в городе. Письма, адресованные туда, всегда дойдут до меня, а ваш отец вряд ли сможет помешать вам написать письмо и опустить его в почтовый ящик. Если вы будете нуждаться в моей помощи или захотите, так или иначе, быть со мной, то вам достаточно написать мне, и я вас увезу и женюсь на вас тотчас же, как только вы достигнете совершеннолетия. Если, с другой стороны, я не получу от вас никаких известий, то буду знать, что вы не нашли нужным мне писать, или могли бы написать только то, что мне было бы тяжело читать. Вы меня поняли, Джейн?

– О да, Леонард! Но как безотратно вы смотрите на все!

– Мои обстоятельства так же безотратны, моя милая: притом я должен быть откровенным – ведь это у меня последняя возможность говорить с вами!

В этот момент резкий голос раздался в ночной тишине; то был голос мистера Бича, звавшего издали дочь:

– Джейн! Где ты?

– О Боже! – сказала она. – Это мой отец зовет меня. Я вышла через заднюю дверь, но, должно быть, мама зашла в мою комнату и увидела, что я вышла. Целый день она не спускает с меня глаз; что мне делать?

– Вернуться домой и сказать им, что вы прощались со мной. Это не преступление; не убьют же вас за это!

– Они сделают хуже! – отвечала Джейн, – и, внезапно обвив руками шею Леонарда, она спрятала свое прекрасное лицо у него на груди, горько рыдая и приговаривая:

– О, милый, милый, что я буду делать без вас?

При виде этой скорби, Леонард забыл горькие мысли и, смешивая свои слезы со слезами Джейн, принялся целовать и утешать ее. Наконец, Джейн оторвалась от Леонарда, так как мистер Бич продолжал звать ее все настойчивее.

– Я забыла, – пробормотала она, – вот мой прощальный подарок для вас, Леонард; сохраните его на память обо мне! – и, вынув из своего лифа маленький пакет, она отдала его Леонарду.

Еще раз они склонились друг к другу; последний поцелуй, – и в следующий миг она исчезла в темноте, скрывшись из глаз Леонарда на всю жизнь, хотя в его памяти она осталась навсегда.

«Прощальный подарок... сохраните его на память обо мне!» – эти слова звучали в его ушах печальным пророчеством.

Тяжело вздохнув, он открыл пакет и рассмотрел его содержимое при слабом свете луны: то был переплетенный в кожу молитвенник, ее собственный, с ее именем на заглавном листе и короткой надписью внизу; в боковом кармашке переплета лежал локон каштановых волос, перевязанный шелковинкой.

– Грустный подарок! – сказал сам себе Леонард, и, надев свое пальто, еще теплое от плечей Джейн, пошел к воротам и вскоре исчез в темноте, направив свои стопы к сельской гостинице. Он скоро подошел к ней и, войдя в общий зал, прошел в маленькую комнату, примыкающую к нему. Когда Леонард вошел, в комнате не горела лампа, но было довольно светло от яркого огня в камине, перед которым в высоком кресле сидел его брат, задумчиво смотревший на огонь.

Томас Утрам был старше Леонарда двумя годами, более слабого телосложения, чем его младший брат, с мечтательным выражением лица, большими задумчивыми глазами и нежным, как у ребенка, ртом. Он был хорошо образован, начитан, с утонченным вкусом.

– Это ты, Леонард? – сказал он, рассеянно взглянув на брата. – Где ты был?

– У пастора! – отвечал его брат.

– Что же ты там делал?

– Ты хочешь знать?

– Конечно. Видел Джейн?

Леонард рассказал ему все, что произошло в доме у мистера Бича.

– Что же, ты думаешь, она будет делать? – спросил Том, когда его брат окончил свой рассказ.

– По моему мнению, она сделает то, чего можно ожидать от любой женщины на ее месте, то есть бросит меня!

– Ты, кажется, дружище, невысокого мнения о женщинах. Я мало знаю их, да, вероятно, и не узнаю более; но мне всегда казалось, что в том-то и состоит достоинство их пола, что они умеют быть твердыми в подобных исключительных обстоятельствах!

– Ну, это мы увидим. Я полагаю, что женщины думают более всего о своих собственных удобствах, чем о счастье кого бы то ни было. Но, слава богу, вот нам несут ужин!

Так говорил Леонард, несколько цинично и, быть может, не совсем искренно.

Несмотря на свое кажущееся удовольствие при виде ужина, он едва притронулся к нему. В самом деле, молодой человек был достоин сострадания. Он стал жертвой страшного разорения; поступок отца, запятнавшего честь всей семьи, бросил тень и на него. Наконец, новое несчастье поразило его: ему позорно было отказано от того дома, где он до сих пор был самым желанным гостем; и в довершение всего он расстался с женщиной, которую горячо любил, расстался при таких обстоятельствах, которые делали эту разлуку почти наверняка окончательной.

Леонард обладал даром понимания человеческого характера и таким благоразумием, которого трудно было ожидать от влюбленного молодого человека. Он хорошо знал, что основной чертой характера Джейн было стремление покоряться обстоятельствам и неспособность преодолевать препятствия. Благоразумие же подсказывало ему, что покорность отцу со стороны Джейн будет самым лучшим для нее выходом. В самом деле, что он, Леонард, может теперь предложить ей, и не сон ли все его мечты о будущем благополучии? Как ни грубо мистер Бич высказал свои мысли, все же он, пожалуй, прав в том отношении, что он, Леонард, эгоист и наглец; в самом деле, разве не эгоизм и не наглость предлагать женщине связать с ним свою судьбу при настоящем положении его дел?

Когда со стола было убрано и они очутились снова одни в комнате, Том спросил у брата, печально кутившего трубку:

– Что мы будем делать сейчас, Леонард?

– Ляжем спать, я полагаю! – отвечал тот.

– Слушай, Леонард, – произнес его брат. – Не бросить ли нам последний взгляд на наше старое жилище?

– Если ты хочешь, Том, но это будет тяжело!

– Одной неприятностью больше, одной меньше – безразлично, дружище! – произнес Том, положив свою тонкую руку на плечо брата.

Оба вышли из дома и через четверть часа ходьбы очутились у замка. Снег перестал идти, и ночь была светлая. Тем не менее она скрывала от глаз посторонних тот беспорядок, который царил в Утрам-Холле после аукциона, придавая ему днем самый безотрадный вид.

Никогда старый дом не выглядел более величественным, никогда более красноречиво не говорил о прошедшем двум братьям, лишившимся своего наследственного владения. Они в молчании обошли вокруг дома, с любовью вглядываясь в каждое хорошо знакомое дерево, в каждое окно, и, наконец, подошли к главному входу. Скорее машинально, нежели сознательно, Леонард повернул ручку двери. К его удивлению, она открылась. Очевидно, в суматохе аукциона никто не позаботился запереть ее.

– Войдем! – сказал Леонард.

Братья вошли и стали переходить из одной комнаты в другую, пока не добрались до большой залы, – обширной, отделанной под дуб комнаты, с большим окном. Цветные стекла этого окна были покрыты изображениями гербов мужских и женских представителей разных поколений рода Утрамов. Два стекла оказались свободны от рисунков: на них должны были находиться гербы Томаса Утрама и его жены.

– Они не будут заняты теперь, Леонард! – сказал Том, указывая на свободные стекла. – Интересно, не правда ли, чтобы не сказать – печально?

– Не знаю, – отвечал его брат, – я думаю, что эти Когены тоже будут кичиться каким-либо гербом, если они купят его!

Оба брата замолкли и при лунном свете, падавшем через цветные стекла, глядели на памятники былого величия – гербы и портреты многих умерших представителей рода Утрамов, смотревшие на них со стен.

– *Per ardua ad astra*, – сказал Том, рассеянно читая семейный девиз, замененный некоторыми членами рода другим – «за честь, дом и любовь».

– *Per ardua ad astra* – «через тернии к звездам и за честь, дом и любовь», – повторил Том. – Если в девизах можно искать утешение, то скорее всего в этих двух: ваша любовь разбита, наш дом отнят и наша честь запятнана. Но нам остается еще – «борьба и звезды»!

В то время как Том говорил это, на лице его отразился энтузиазм.

– Леонард, – воскликнул он, – почему бы нам не восстановить былое? Будем же руководствоваться только этим девизом, более древним, – *Per ardua ad astra*!

– Я верю, что он обещает одному из нас счастье. Отчего не попробовать, – отвечал Леонард. – Если мы падем в борьбе, то все-таки звезды останутся у нас, как и у всего человечества!

– Леонард, – проговорил его брат почти шепотом, – хочешь ли ты произнести вместе со мною клятву? Это, может быть, детская мысль, но при некоторых обстоятельствах в таких-то мыслях и скрывается мудрость!

– Какую клятву? – спросил Леонард.

– Вот какую: поклянемся, что покинем Англию и будем искать богатства на чужбине, чтобы иметь возможность выкупить наш родовой замок, что мы до тех пор не вернемся сюда, пока не достигнем своей цели, и что одна смерть может положить конец нашим стремлениям!

Леонард, помедлив одно мгновение, отвечал:

– Если Джейн потеряна для меня, то ничто не может помешать мне произнести эту клятву!

Затем Том, в сопровождении своего брата, направился в середину зала, где на большом пюпитре лежала старинная Библия. Положив руки на Священную Книгу, он начал произно-

сильные слова клятвы громким голосом, не оставлявшим никакого сомнения в серьезности его намерений и полным веры в себя.

– Клянемся этой Священной Книгой и Богом, создавшим нас, что оставим этот дом, принадлежавший нам, и никогда больше не взглянем на него до тех пор, пока он опять не станет нашим. Клянемся, что будем стараться достичь этой цели нашей жизни, пока смерть не уничтожит нас, и пусть позор и нищета поразят нас, если мы, будучи в здравом уме и полные сил, откажемся от этой клятвы. В этом помоги нам, Боже!

– В этом помоги нам, Боже!

– В этом помоги нам, Боже! – повторил Леонард.

Так в доме своих предков, перед лицом Творца и перед портретами умерших представителей рода, Томас и Леонард Утрамы посвятили себя великой цели.

Быть может, как сказал один из них, их замысел казался просто детской мыслью, но при всем том он был трогателен.

На следующий день они отправились в Лондон, где прожили несколько дней, но ни одной строки не пришло от Джейн Бич; плохо ли, хорошо ли, но цепь клятвы, произнесенной Леонардом, обвилась вокруг его шеи.

Три месяца спустя оба брата приближались к берегам Африки, к земле Людей тумана.

Глава III. Семь лет спустя

– Сколько времени, Леонард?
– Семь часов, Том.
– Уже семь? На заре я умру, Леонард!
– Ради бога, не говори так, Том. Если ты все время будешь думать о смерти, то действительно умрешь!

Больной глухо засмеялся.

– Не в словах дело, Леонард. Я чувствую, что моя жизнь угасает, как догорающий огонь. Мой ум еще совершенно ясен, но тем не менее я умру на заре. Лихорадка совсем изнурила меня. Я бредил, Леонард?

– Немного, дружище! – отвечал Леонард.

– О чем я говорил?

– Больше всего о доме, Том!

– О доме! У нас его нет, Леонард. Он продан. Сколько времени мы находимся на чужбине?

– Семь лет!

– Семь лет! Да! Ты помнишь, как мы прощались с нашим старым домом в ту зимнюю ночь после аукциона? Помнишь, что мы тогда решили?

– Да!

– Повтори это!

– Мы поклялись, что будем стараться разбогатеть, чтобы выкупить Утрам, и что одна только смерть может освободить нас от этой клятвы. Мы поклялись, не достигнув нашей цели, не возвращаться в Англию. Затем мы отправились в Африку. В течение семи лет мы старались обрести богатство, но у нас едва хватает средств, чтобы поддерживать свое существование!

– Леонард! Теперь ты единственный наследник нашей клятвы и нашего древнего имени, по крайней мере, через несколько часов будешь им. Я старался исполнить мой обет до самой смерти. Ты освободишься от клятвы, когда достигнешь цели, или умрешь. Борьба досталась мне в удел, быть может, ты достигнешь звезды. Будешь ли ты стремиться к нашей цели, Леонард?

– Да, Том!

– Дай мне руку в знак этого, дружище!

Леонард Утрам наклонился к умирающему брату, и оба они пожали друг другу руки.

– Теперь я засну; я утомлен. Но ты не бойся, я проснусь перед... концом.

Едва последние слова слетели с его уст, как глаза закрылись, и он впал в оцепенение или сон.

Леонард сел на пустой бочонок от джина, заменявший стул. Шум бури доносился в кафрскую хижину, построенную из травы и веток, где братья нашли себе приют. Ветер проникал в нее через сотню отверстий, колебля пламя лампы и поднимая со лба больного волосы. Время от времени дождь принимался ливнем лить, и вода через травяную крышу хижины стекала на земляной пол. Леонард подошел к двери хижины или, скорее, к низкому полукруглому отверстию, служившему дверью, и отодвинул доску, прикрывавшую его. Хижина их стояла на склоне большой горы, у подошвы которой было море кустарников, а кругом виднелись фантастические очертания гор. Черные облака закрывали лунный диск, но по временам небо прояснялось; тогда окружающая местность открывалась во всей ее необъятности и ужасающей пустынности.

Леонард закрыл дверное отверстие и, вернувшись к своему брату, пристально посмотрел на него. Несколько лет тяжелых трудов и лишений не стерли с лица Томаса Утрама его удивительной красоты, но отпечаток смерти был сейчас на нем.

Леонард вздохнул и, пораженный какой-то мыслью, отыскал кусок зеркала. Поднеся его близко к свету лампы, он стал всматриваться в свои собственные черты. В зеркале отражался красивый человек, с бородой, загорелый, со смелым взглядом, присущим тому, кто привык к постоянным опасностям, кудрявыми волосами и широкими плечами; не особенно высокий, но с мощным телосложением. Хотя он был еще молод, но мало юношеского осталось в его облике; конечно, труд и борьба наложили на него отпечаток, закалив его. Лицо имело доброе выражение, но большинство людей предпочли бы видеть дружбу в этих пронизательных черных глазах, нежели искру вражды. Леонард был опасный враг, и его долгая борьба со светом заставляла его иногда видеть врагов там, где они не существовали.

Несколько часов просидел Леонард в задумчивости у постели брата, всматриваясь в его лицо, которое то оставалось спокойным и бледным, то вспыхивало и казалось тревожным.

Наконец, Томас Утрам открыл глаза и посмотрел на Леонарда, но последний знал, что брат его видит не таким, каким он был на самом деле. Глаза умирающего пытливо глядели на него, и Леонард чувствовал, что тот видит в его лице что-то такое, что не могло быть видно никому другому. Этот испытующий взгляд был так странен, что Леонард не мог его выдержать и окликнул брата, но не получил ответа, а большие глаза умирающего продолжали читать в той книге, которая скрыта для живых, но совершенно понятна для умирающих.

Зрелище смерти всегда страшно; страшны последние вспышки жизни, эта борьба с телом духовного и вечного начала, назовем ли мы его душою, или как-нибудь иначе.

Леонард видел смерть в самых ужасных ее проявлениях, однако никогда не чувствовал такого ужаса, как теперь. Что прочел брат или дух брата на его лице?

Леонард постарался подавить в себе страх.

– Мои нервы расшатаны, – подумал он. – Он умирает. Как я вынесу зрелище его смерти?

Порыв ветра потряс хижину, вырвав часть веток, из которых состояла крыша. Тонкая струя дождя прорвалась через образовавшееся отверстие и упала на лоб больного; капли дождя, подобно слезам, скатились по его бледным щекам. Тогда странный взгляд больного принял более естественное выражение, губы приоткрылись.

– Воды! – пробормотал умирающий.

Леонард дал ему пить, одною рукою поднеся кружку к его рту, а другою поддерживая голову умирающего. Том сделал два глотка и затем внезапным движением своей ослабевшей руки выбил кружку, которая упала на пол.

– Леонард, – сказал он, – ты добьешься успеха!

– Успеха в чем, Том?

– Ты станешь богат, выкупишь Утрам и продолжишь наш род, но этого достигнешь ты не один. Женщина поможет тебе!

Затем его мысли несколько смешались, и он пробормотал:

– Как поживает Джейн? Слышал ли ты о ней?

При этом имени лицо Леонарда смягчилось, но тотчас же сделалось суровым и озабоченным.

– Я не слышал ничего о Джейн, дружище, все эти годы, – отвечал он. – Вероятно, она или умерла, или вышла замуж!

– Слушай, – отвечал Том, оправляясь от своего забытья. – Я скоро умру. Ты знаешь, что умирающие иногда видят далеко. Мне снилось, или я прочел на твоём лице, вот что: ты умрешь в Утраме. После моей смерти останься на этом месте некоторое время. Останься здесь, Леонард!

Ослабев, Том опрокинулся навзничь, и в это время сильный порыв ветра потряс хрупкую хижину, разрушив восточную стену. Кобра, скрывавшаяся в густых ветвях, которыми были покрыты стены хижины, с мягким шорохом упала на пол, на расстоянии не более фута от лица умирающего; вытянувшись на полу и зашипев, она высунула свой гибкий язык и раздула

в бешенстве пасть. Леонард отскочил назад и схватил лежавший вблизи лом, но прежде чем он успел ударить змею, пресмыкающееся опустилось на пол и, скользнув своим чешуйчатым телом по лицу умирающего, спряталось опять в ветвях. Но Томас Утрам не видел ничего и не шевелился, даже когда тело отвратительного пресмыкающегося скользнуло по его лицу. Тяжелое, порывистое дыхание указывало на скорую развязку. На душе у Леонарда сделалось чрезвычайно тяжело; он обнял брата и в первый раз за многие годы поцеловал его в лоб.

Умирающий открыл глаза. На востоке занималась заря. Вершины гор загорались пламенем.

Томас Утрам при виде этого, поднявшись на колени, протянул руки к восходящему солнцу, шевеля губами. Затем он упал на грудь Леонарда, и все было кончено.

Глава IV. Похороны

Долго Леонард сидел у тела брата. Наступил день. Круглый диск солнца поднялся высоко над горами.

Буря затихла, и если бы не было обломков полуразрушенной хижины, то с трудом можно было бы поверить, что она недавно свирепствовала. Насекомые принялись за свое стрекотанье; ящерицы выползали из щелей скал; омытые дождем цветы горных лилий резко бросались в глаза своею яркою окраской.

Леонард продолжал сидеть с выражением горя на лице, когда на него сверху упала какая-то тень. Он взглянул вверх и заметил коршуна, реявшего над местом смерти.

Схватив свое заряженное ружье, Леонард вскочил на ноги. Птица приближалась, описывая круги в воздухе. Леонард схватил ружье, прицелился и выстрелил. Выстрел гулко раздался в тишине, и звук его был повторен эхом в горах. Птица некоторое время оставалась неподвижною в воздухе и затем тяжело рухнула на землю, ударившись своим могучим клювом о камни.

– Итак, я еще могу убивать, – проговорил про себя Леонард, заметив результат своего выстрела. – Убивай, чтобы не быть самому убитым, – таков закон жизни!

После этого он повернулся к телу брата, закрыл ему глаза и сложил крестом на груди его исхудалые руки.

– Где же, однако, эти кафры?² – громко произнес он, внезапно вспомнив о своих слугах, которых что-то долго не было видно.

– Эй, Оттер, Оттер!

Эхо повторило в горах эти слова, но на зов Леонарда никто не явился. Он вторично окликнул своих слуг, но тоже безрезультатно.

– Хоть и нельзя уходить отсюда, – произнес Леонард, – однако надо посмотреть, в чем дело.

² Кафры (от арабского каффир – неверный) – устаревшее наименование юго-восточных африканских народов.

Поднявшись на колени, он протянул руки к восходящему солнцу

Покрыв тело брата красным одеялом, чтобы защитить от коршунов, он решил обойти скалы, окаймлявшие маленькое плато, на котором стояла хижина. За ними плато продолжалось, и шагах в пятидесяти от скал, в склоне горы, было углубление, образованное выветриванием мягкой породы камня. В этом углублении, или гроте, кафры – их было четверо – спали и тут же имели обыкновение разводить огонь для приготовления пищи. Но в это утро огонь не горел, и в гроте никого не было видно.

«Еще спят», – подумал Леонард, направляясь к гроту. В следующий момент он громко позвал:

– Оттер, Оттер! – и сильно толкнул лежавшую у входа в грот массу.

Но она не двигалась, хотя толчок был достаточно силен для того, чтобы разбудить самого ленивого дикаря, погруженного в глубочайший сон. Леонард стал всматриваться в лежавшего и в следующий момент отпрянул назад, воскликнув:

– Боже! Это Чит – мертвый!

В это время глухой голос раздался из глубины грота, голос Оттера, проговорившего по-голландски:

– Я здесь, баас³. Пусть баас развяжет меня; а то я не могу шевельнуться!

Леонард вошел в глубину грота и увидел Оттера со следами страшных побоев на лице и на всем теле, связанного по рукам и ногам. Вынув нож, Леонард перерезал связывавшие Оттера веревки и вывел его из грота. Это был карлик-кафр, ростом немногим более 4 футов, найденный братьями умирающим с голоду в пустыне. Взятый ими, он служил верой и правдой в течение нескольких лет. Братья окрестили его Оттер⁴, во-первых, потому, что его настоящее имя европейцу почти невозможно было выговорить, а во-вторых, из-за его необыкновенного умения плавать, почти равнявшегося способностям того животного, имя которого ему дали. Лицо его безобразно, но в этом безобразии не было ничего отталкивающего. Несмотря на свой маленький рост, Оттер, имел необыкновенно большую голову, длинные руки и огромный нос. Все члены его тела доказывали большую физическую силу.

– Что случилось? – спросил Леонард по-голландски.

– Вот что, баас. Прошлой ночью эти три негодяя, базуто, твои слуги, задумали убежать. Мне они ничего не сказали и были так осторожны, что, хотя я и следил даже за их мыслями, однако ни о чем не мог догадаться. Дождавшись, пока я крепко заснул, они связали меня, так что могли взять ружье бааса Тома, которое ты поручил мне, и другие вещи. Скоро я понял их намерение, и мое сердце кипело от бешенства. Связав меня, собаки-базуто стали смеяться мне в лицо, ругая меня и говоря, что я могу теперь умереть с голоду вместе с моими глупыми белыми господами, которые, ища повсюду желтого железа, по своей глупости, нашли его очень мало. Затем они поделили между собой все ценные вещи, и перед тем, как уйти, каждый из них подходил ко мне и бил по лицу, а один прижег мне нос горячей головней!

Все это я терпеливо переносил, да когда Чит взял ружье бааса Тома, а другие хотели привязать меня к скале, я не мог более терпеть. Бросившись на Чита, я с силою ударил его своею головою в середину тела, так что он отлетел в сторону и хлопнулся о скалу, не произнеся ни звука! А! Они забыли, что если мои руки крепки, то голова еще крепче. Тогда двое других бросились на меня, и я, имея руки связанными, не мог защищаться. Боясь, что они скоро убьют меня, я со стоном упал на землю и притворился мертвым. Думая, что они покончили со мною, базуто поспешно ушли, опасаясь, что вы услышите шум и будете догонять их. В этой поспешности они даже оставили ружье и многие другие вещи. Вот и все. Я думаю, баас Том будет рад, что я спас его ружье. Когда он узнает об этом, то забудет свою болезнь и скажет: «Молодец, Оттер, твоя головка крепка!»

– Баас Том умер, – отвечал Леонард с печальной улыбкой. – Он умер на рассвете на моих руках. Лихорадка убила его, как других инкузис!⁵

Оттер, услышав печальную весть, опустил голову на грудь и некоторое время не произносил ни слова. Наконец он взглянул на Леонарда, и последний заметил две слезы, скатившиеся по лицу карлика.

– Как? – воскликнул он. – Ты умер, мой отец, храбрый, как лев, и красивый, как девушка! Да, ты умер, мои уши слышали это, и если бы не твой брат, баас Леонард, то я убил бы себя, чтобы последовать за тобою!

³ Баас – господин (*африкаанс*).

⁴ Оттер (otter) – выдра (*англ.*).

⁵ Инкузис (инкузи) – начальники.

– Пойдем, – сказал Леонард, – я не могу оставлять его надолго!

Леонард вернулся к телу своего брата. Оттер шел за ним. Приблизившись к телу Томаса Утрама, Оттер сделал рукою приветственный знак, проговорив:

– Начальник и отец, когда ты жил на земле, ты был добрый и храбрый человек, хотя немного вспыльчивый и иногда капризный, как женщина. Теперь ты удалился с этого света и улетел, подобно орлу, к солнцу. Живя там, ты будешь еще храбрее, еще лучше и терпеливее к тем, кто менее чист, чем ты. Отец и начальник! Приветствую тебя. О, если бы тот, кого ты назвал Оттером, мог служить тебе и инкузи – твоему брату – в жилище Высочайшего, если такое существо, как я, может войти туда! Что же касается собаки-базуто, который хотел украсть твое ружье, то я убил его в счастливый час. Он будет твоим рабом в доме Высочайшего. Ах! Если бы я знал, то послал бы лучшего человека. Слава тебе, отец мой! Прощай, и пусть твой дух будет милостив к нам, которые любят тебя!

Проговорив это, Оттер отошел от тела и, обмыв свои раны, принялся за приготовление пищи. После обеда Леонард и Оттер перенесли тело Тома в грот, убрав оттуда труп базуто, который Оттер без церемоний спрятал в расщелине скалы. Леонард остался у тела брата, а Оттер, взяв с разрешения Леонарда ружье Тома, ушел на охоту, надеясь подстрелить горную козу.

Леонард, отпуская карлика, приказал ему к вечеру вернуться назад.

– Где мы будем рыть могилу, баас? – спросил, уходя, Оттер.

– Она уже готова, – отвечал Леонард. – Умерший сам ее вырыл, подобно многим здесь. Мы похороним его в последней яме, вырытой им в поисках золота. По правую руку от того места, где стояла хижина. Она достаточно глубока!

– Да, баас, хорошее место, хотя, быть может, баас Том не так бы тщательно работал, если бы знал, для чего она послужит; кто знает, чему служат наши работы? Но эта дважды обваливалась, когда баас рыл ее...

– Я уже устроил все, – сказал коротко Леонард. – Ступай и будь здесь за полчаса до заката солнца, по крайней мере. Да, если можешь, то принеси еще горных лилий. Баас Том любил их!

Карлик поклонился и вышел.

– А, – начал он говорить сам с собой, направляясь к подошве холма, где надеялся найти дичь, – ты не боишься мертвых, а живых тем более. Однако, Оттер, баас Том мертвый теперь так страшен, он, который при жизни был так мил! Чит не выглядел страшным, только еще безобразнее. Но ведь Чита убил ты, а бааса Тома убило небо, положивши на него свою печать. Что теперь будет делать баас Леонард, когда его брат умер и базуто убежали? Идти рыть золото, найти которое так трудно, а найдя, нельзя долго сохранить? Но тебе-то что до этого, Оттер? Что тебе за дело до того, что делает баас? Смотри, вот следы козы!

День выдался чрезвычайно жаркий. В это время стояло лето в Восточной Африке, или, скорее, осень, пора лихорадок, гроз и ливней, в течение которого только люди, дешево ценившие свою жизнь, могли жить в этих широтах, ища золото, со скудными запасами пищи и почти не находя возможности найти себе приют. Но искатели счастья не особенно ценят жизнь, как собственную, так и чужую. Они делаются фаталистами, быть может, бессознательно, полагая, что, кому суждено, тот умрет, а остальные останутся живы, несмотря ни на что.

Когда Леонард Утрам, его брат и два их товарища по приключениям услышали от туземцев об одном месте в горах, богатом золотом и находящемся номинально на Португальской территории, у ближнего рукава Замбези, то с помощью двух ружей и собаки они получили концессию от хозяина этой территории на разработку руды. Несмотря на нездоровое время года, они не отложили своего мероприятия из опасения, что кто-нибудь другой за три ружья и за две собаки убедит начальника территории отнять у них концессию в его пользу. Поэтому они трудолюбиво принялись за работу, и сначала счастье сопутствовало им. Им попало даже несколько самородков. Надежды их окрепли, но сначала один из компаньонов, по имени

Аскью, заболел лихорадкой и умер, а за ним погиб и второй компаньон – Джонстон. После этого Леонард хотел было уже бросить дело, но, словно по воле судьбы, на следующий же после смерти Джонстона день они нашли золото в таком значительном количестве, что Томас, надеясь вскоре достичь богатства, и слышать не хотел о прекращении работ.

Тогда они перенесли свое жилище на более возвышенное и здоровое место и остались. Но в один несчастный день Томас Утрам, заблудившись на охоте, провел ночь на болоте. Неделью спустя он заболел лихорадкой и через три недели умер, как мы видели.

Все эти события и многие другие проносились в уме Леонарда, сидевшего долгие часы у тела умершего брата. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким, таким покинутым и несчастным. Теперь на свете у него нет друга, если не считать слуги Оттера. Несколько лет он уже не был в Англии; самые близкие родственники не заботились более о нем и его брате, изгнанных, странствующих по чужим странам; его школьные товарищи, вероятно, забыли о его существовании.

Там, на родине, было еще одно существо. Джейн Бич. Но с той памятной ночи семь лет он ничего не слышал о ней. Два раза он писал ей, но не получил никакого ответа на свои письма. Более он не возобновлял своих попыток писать, будучи самолюбивым человеком. Вместе с тем он догадывался, почему она не могла ему отвечать. Как он сказал своему брату, Джейн или умерла, или, что было всего вероятнее, вышла замуж за мистера Когена. Однако когда-то они любили друг друга, да он и теперь еще любит ее, или, по крайней мере, думал так. Действительно, все эти тяжелые годы изгнания, трудов и беспрестанных поисков ее образ и память о ней жили в его сердце как далекий сладкий сон, полный мира и красоты, хотя у него остался от нее последний подарок – молитвенник и локон волос. Пустыня не такое место, где люди могут забыть свою первую любовь. Да, он был один, совершенно один, среди диких стран и грубых, необразованных людей и дикарей. А теперь что он будет делать? Здешнее место истощено. Тут действительно было наносное золото, но Леонард знал, что оно находится не в земле, но в жилах кварца, скрытых в горной породе. Чтобы извлечь богатство оттуда, нужны машины и капитал. Кроме того, слуги его, кафры, исчезли, избегая тяжелой работы и лихорадки, а других и не найти в это время года. Очевидно, остается одно: вернуться в Наталь и приняться за какое-нибудь другое дело.

Здесь Леонард вдруг вспомнил о своем обете – искать до тех пор, пока он не добьется своей цели или не умрет. Очень хорошо, он исполнит свое обещание. Затем он вспомнил любопытное предсказание умирающего, что он достигнет богатства.

Конечно, это был не более как бред. Столько лет его брат безуспешно стремился к своей цели, восстановлению чести их древней фамилии; неудивительно, что в час смерти он увидел, что цель эта достигнута, хотя и другим. Однако как странно он смотрел на него! С каким убеждением он говорил! Все это, конечно, не может иметь никакого значения; он, Леонард, дал несколько лет тому назад клятву и еще в прошлую ночь обещал стремиться к выполнению этой клятвы. Поэтому, худо или хорошо, но он должен действовать до конца.

Таким размышлениям предался Леонард, сидя у тела своего брата, товарища его детских игр и друга.

Время от времени он вставал со своего места и прохаживался около грота. После полудня воздух сделался еще более знойным, и большая туча собиралась на горизонте.

– Вечером будет гроза, – проговорил Леонард, – как только Оттер придет, надо будет похоронить тело, а то придется ждать до завтра!

Наконец, за полчаса до захода солнца, Оттер появился у входа в грот. На плечах его была привязана убитая коза, а в руках он держал большой пучок ярких горных лилий.

Двое мужчин похоронили Томаса Утрама в вырытой им самой могиле, и раскаты грома заменили для него погребальное пение.

Глава V. Оттер дает совет

Когда погребение было окончено и Томас Утрам успокоился навеки в своем постоянном земном жилище, его брат, взяв молитвенник, подаренный ему некогда Джейн Бич и составивший, по правде говоря, всю его библиотеку, прочел над могилой погребальную службу, окончив свое чтение при блеске молнии. Затем он и Оттер вернулись в грот и поужинали, не произнеся ни слова. После ужина Леонард обратился к карлику:

– Оттер! Ты человек надежный и ловкий. Я хочу тебе рассказать одну историю и спросить тебя кой о чем.

«Во всяком случае, – добавил он про себя по-английски, – в подобных вещах его суждение столь же важно, как и мое».

– Говори, баас, – ответил карлик, – мои уши открыты!

– Оттер! Умерший баас и я приехали в эту страну около семи лет тому назад. До отправления нашего сюда мы были богатыми людьми, старейшинами на нашей земле, но потеряли наши краали⁶, скот и земли; они были проданы, и другие взяли их, а мы стали бедными. Да, мы, бывшие жирными, стали тощи, как быки в конце зимы. Тогда мы сказали один другому: здесь у нас нет более дома, позорная бедность обрушилась на нас, мы – разбитые корабли, люди, не имеющие никакого значения; однако, будучи благородной крови, мы не можем здесь зарабатывать пропитание трудом, подобно обыкновенным людям, иначе и простые, и благородные будут смеяться над нами. Большой каменный крааль отнят у нас: другие занимают его, чужие женщины хозяйничают в нем и их дети бегают по нашей земле; мы должны уехать!

– Кровь есть кровь, – прервал Оттер, – а богатство ничто! Отчего ты, отец мой, не выгнал этих чужестранцев и не взял обратно твой крааль?

– В нашей стране этого нельзя сделать, Оттер: богатство там значит больше породы. Если бы мы сделали это, то подверглись бы еще большему позору. Одно богатство могло бы возвратить нам наш дом, а у нас его не было. Тогда мы поклялись друг другу, умерший баас и я, что поедem в эту дальнюю страну искать богатства, с которым мы могли бы вернуть наши земли и крааль, чтобы оставить их после себя своим детям!

– Прекрасная клятва, – сказал Оттер, – а здесь вы поклялись бы иначе, и сталь решила бы спор о краале, а не желтое железо!

– Мы приехали сюда, Оттер, и семь лет работали усерднее самого последнего из наших слуг; путешествовали там и тут, смешивались со многими народами, изучили несколько языков, и что же мы нашли? Баас Том – могилу в пустыне, а я – скудную пищу, которую может дать пустыня, не более. Богатства мы не приобрели, Оттер, а я поклялся или достичь его, или умереть, и еще в прошлую ночь обещал брату исполнить свою клятву!

– Это хорошо, баас; клятва есть клятва, и честные люди должны исполнять ее. Но здесь нельзя добыть богатств; ведь золото большей частью скрыто в этих скалах, которые слишком тяжелы, чтобы увезти их, а кто может достать золото из скал? Этого не сделать нам, даже если лихорадка и пощадит нас. Нам надо уйти отсюда куда-нибудь в другое место!

– Слушай, Оттер. Это еще не все. Умерший баас перед своей смертью видел в будущем, что я найду золото с помощью женщины, и просил меня остаться здесь некоторое время после его смерти. Скажи теперь, Оттер, ты, вышедший из народа, знающий толк в снах и видениях, и сам сын толкователя снов, было это действительное видение или фантазия больного?

– Не знаю, – отвечал Оттер. – Наверное, дух, или голос кого-то, оплакивающего умершего!

⁶ Крааль – в Южной Африке название особого типа деревень: ульеобразных хижин, окруженных общей изгородью.

– Мы здесь единственные плакальщики! – сказал Леонард; и едва он произнес эти слова, как пронзительный вой опять огласил воздух. Как раз в это время луна вышла из-за облаков, и при ее свете они увидели того, кто производил странные звуки. Шагах в двадцати от них, на противоположном склоне холма, скорчившись на камне и закрыв лицо руками, в полном отчаянии, сидела высокая женщина изнуренного вида.

Шагах в двадцати от них, на противоположном склоне холма, скорчившись на камне и закрыв лицо руками, сидела высокая женщина

С изумлением Леонард направился к ней, сопровождаемый карликом. Женщина была так поглощена своим горем, что не слышала и не видала их приближения. Даже когда они совсем близко подошли к ней, она не заметила их, так как лицо ее было закрыто худыми руками. Леонард с любопытством посмотрел на нее. Это была женщина старше средних лет, очевидно,

когда-то красивая, и для туземки с очень светлой кожей. Кудрявые волосы ее начинали седеть, руки и ноги были тонки и хорошей формы. Более Леонард ничего не мог разглядеть, так как лицо она закрыла руками, а фигура была обернута рваным одеялом.

– Матушка, – сказал он на диалекте сизуту, – что с тобою, о чем ты плачешь?

Женщина, отняв руки от своего лица, с криком ужаса вскочила на ноги. Взгляд ее упал сначала на Оттера, стоявшего прямо перед ней, и при виде его крик замер на ее губах, – она окаменела от ужаса. Вид ее был так странен, что карлик и его господин с молчаливым удивлением смотрели на нее, ожидая, что будет дальше.

Женщина первая прервала это молчание, заговорив глухим голосом, полным суеверного ужаса и обожания, и опустилась на колени:

– Наконец ты пришел требовать от меня ответа, – сказала она, обращаясь к Оттеру, – о, ты, имя кого Мрак, кому я была назначена в замужество и от кого в молодости убежала?! Тебя ли я вижу во плоти, господин ночи, король крови и ужаса, а это твой жрец? Или я грежу? Нет, я не грежу; убей меня, жрец, и пусть мой грех будет очищен!

– Кажется, – сказал Оттер, – мы имеем дело с сумасшедшей!

– Нет, Джаль, – отвечала женщина, – я не сошла с ума, хотя недавно была близка к этому!

– Но меня не зовут ни Джалем, ни Мраком! – отвечал с раздражением карлик. – Перестань говорить глупости и скажи белому господину, откуда ты, а то я устал от этого разговора!

– Если ты не Джаль, черное существо, то это очень странно, так как Джаль имеет такой же вид, как у тебя. Но, может быть, ты не хочешь, облекшись в плоть, признаться в этом мне. Ну, тогда делай, как хочешь. Если же ты не Джаль, то я безопасна от твоего мщения, а если ты Джаль, то прошу тебя простить грех моей юности и пощадить меня!

– Кто такой Джаль? – с любопытством спросил Леонард.

– Не знаю, – отвечала женщина, внезапно переменив тон. – Голод и утомление смутили мой ум, и я говорила вздорные слова. Забудь их и дай мне есть, бледнолицый, – прибавила она жалобным голосом, – дай мне есть, я умираю от голода!

– У нас сильный недостаток в пище, – отвечал Леонард, – но мы поделимся с тобой, чем можем. Следуй за мною, матушка! – и он повел ее к гроту.

Оттер дал ей пищи, и она принялась есть, как человек, голодавший долгое время, с удовольствием, но и с усилием. Покончив с едой, она посмотрела на Леонарда своими смелыми черными глазами, проговорив:

– Скажи, белый господин, ты работороговец?

– Нет, – отвечал он хмуро, – я раб!

– Кто же твой господин – этот черный человек?

– Нет, он только раб раба. У него нет господина, а есть госпожа, которую зовут Судьбою!

– Самая худшая из всех и в то же время самая лучшая, – сказала старуха, нахмурившись, – она вновь смеется и к ударам примешивает поцелуи!

– Удары ее я хорошо знаю, а поцелуи – нет, – отвечал мрачно Леонард и прибавил другим тоном: – Что же с тобой случилось, матушка, как тебя зовут и что ты ищешь, бродя одна в горах?

– Меня зовут Соа, и я ищу помощи для той, кого люблю и кто теперь находится в горестном положении. Хочешь, господин, слушать мой рассказ?

– Говори, – сказал Леонард.

Женщина, сев на землю перед ним, начала свой рассказ.

Глава VI. Рассказ Соа

– Господин, я, Соа, служанка белого человека, купца, живущего на берегах Замбези в четырех днях пути отсюда. У него есть дом, построенный им несколько лет тому назад.

– Как имя белого человека? – спросил Леонард.

– Черный народ зовет его Мэвум, а бледнолицые – Родд. Он хороший господин и не простой человек, но у него есть один недостаток – по временам он пьет. Двадцать лет тому назад, или больше, Мэвум женился на белой женщине, дочери португальца, жившего у бухты Делагоа⁷. Она была прекрасна, ах, как прекрасна! После женитьбы он поселился на берегах Замбези, сделался купцом и выстроил там дом, от которого теперь остались одни развалины. Здесь его жена умерла от родов; да, она умерла на моих руках, и я воспитала ее дочь Хуанну, ухаживая за ней от колыбели и до настоящих дней.

После смерти своей жены Мэвум стал сильно пить. Когда он не пил, то это был ловкий и хороший торговец; по временам он собирал на большие суммы слоновую кость, перья, золото и активно занимался разведением рогатого скота. Тогда он говорил, что хочет оставить пустыню и уехать за море, в неизвестную мне страну, откуда приезжали англичане.

Дважды он отправлялся со мной и с Хуанной, своей дочерью, моей госпожой, которую черный народ прозвал Небесною пастушкой, приписав ей дар предсказывать дождь. Однажды Мэвум остановился в городе Дурбан, в Натале, и, напившись пьяным, в один месяц прожил все свои деньги, в другой раз он потерял вновь нажитое им состояние при переправе через реку, когда лодку опрокинул гиппопотам, и золото со слоновой костью потонуло. В последнюю поездку он оставил свою дочь в Дурбане, где она прожила три года, изучая те вещи, которые знают белые женщины, так как она очень умна, так же умна, как добра и прекрасна. Года два тому назад она вернулась назад в поселение, доехав на судне до бухты Делагоа, где ее встретил Мэвум.

Раз моя госпожа сказала своему отцу, что ей наскучила их уединенная жизнь в пустыне и что она хочет ехать за море в страну, которую она называла домом. Он послушался ее, так как Мэвум очень любил свою дочь, и сказал, что сделает так, но что до этого он хочет отправиться в путешествие по реке для закупки в одном месте большого количества слоновой кости. Она была против этого, говоря: поедем, наконец, мы уже достаточно богаты. Отправимся в Наталь и поедем за море. Но он ничего не хотел слушать, так как был очень упрямый человек.

На следующее утро он отправился за слоновой костью и леди Хуанна, его дочь, плакала, хотя она и бесстрашна, оставшись одна. Кроме того, она не любила быть вдали от отца, не имея возможности следить за тем, чтобы он не напивался.

После отъезда Мэвума прошло двенадцать дней. Я и моя госпожа сидели в поселении, ожидая его возвращения. У моей госпожи есть обыкновение, одевшись поутру, читать какую-то священную книгу, в которой написаны законы того Высочайшего, которого она почитает. Поэтому наутро, тринадцатого числа, она сидела на веранде дома и читала эту книгу, а я занималась приготовлением пищи. Вдруг я услышала шум и, выглянув через забор, окружавший сад и весь дом, кроме веранды, увидела много людей – белых, арабов и мулатов; один из них был верхом, а остальные пешком; за ними тянулся длинный караван рабов с веревками на шее.

Подойдя ближе, эти люди стали стрелять в жителей поселения; некоторые были убиты, многие взяты в плен, а другие убежали – те, кто был на полевых работах и видел приближение работорговцев.

Со страхом глядя на все это, я увидела, что моя госпожа, все еще с книгой в руках, побежала к забору, за которым я стояла. Но когда она достигла его, человек, сидевший верхом на

⁷ Делагоа – порт и залив на юго-восточном побережье Африки.

муле, преградил ей дорогу, и она, обернувшись, посмотрела на него, прислонившись спиной к забору. Тогда я спустилась с забора и, спрятавшись за банановыми деревьями, стала смотреть в щель забора.

Человек, сидевший на муле, был стар и толст, с седыми волосами и желтым морщинистым лицом. Я знала его раньше и слышала о нем: много лет он был ужасом этой страны. Черный народ зовет его «Желтым дьяволом», а португальское имя его Перейра; он имеет свое жилище в уединенном месте в одном из устьев Замбези. Сюда он собирает своих рабов, и сюда дважды в год приезжают торговцы и отвозят рабов на рынки.

Этот человек посмотрел на мою госпожу, в ужасе прислонившуюся к забору, и, засмеявшись, вскричал по-португальски: «Вот славная добыча! Должно быть, это та Хуанна, о красоте которой я столько слышал. Где ваш отец, моя голубка? Уехал по торговым делам, не правда ли? А, я это знал; иначе, может быть, я бы и не отважился приехать сюда. Но с его стороны нехорошо оставлять в одиночестве такое милое существо. Хорошо, хорошо, он занят своим делом, а я должен приступить к своему; ведь я тоже купец, моя голубка, торгующий черными птичками. Птички с серебристыми перьями не часто попадались мне, и я должен побольше сделать для вас. Здесь есть молодые люди, которые за такие глаза, как у вас, дадут много. Не бойтесь, моя голубка, мы скоро найдем вам супруга!»

Так говорил Желтый дьявол в то время, как моя госпожа испуганно смотрела на него, а слуги работорговца громко смеялись его злым словам.

Наконец, она, казалось, поняла, о чем он говорил, и я увидела, что моя госпожа медленно подняла свою руку к голове. Я догадалась о ее намерении. Она носила в своих волосах спрятанный там страшный яд, малейшая крупица которого, попав на язык, тотчас же убивает человека. Секрет этого яда я открыла ей; моя госпожа постоянно имела яд при себе на тот случай, если ей будет угрожать худшее, чем смерть. Тогда в ужасе я прошептала ей через щель забора на древнем языке, которому я ее учила, – языке моего народа: «Удержи свою руку, госпожа: пока ты жива, ты можешь еще освободиться, а от смерти нет освобождения. Будет еще время употребить яд, когда самое худшее станет угрожать тебе!»

Она услышала меня, и, слегка наклонив свою голову, опустила руку. Тогда Перейра снова заговорил:

– Теперь, если вы готовы, мы можем отправляться; до моего гнезда восемь дней пути, а кто может сказать, когда придут покупатели за моими черными птицами? Не хотите ли вы что-нибудь сказать перед отправлением, моя голубка?

Тогда госпожа впервые заговорила с ним:

– Я в вашей власти, но не боюсь вас; знайте, что в случае необходимости я могу ускользнуть от вас. Только я скажу вам следующее: ваше злодейство навлечет смерть на вашу голову, – и она бросила взгляд на тела убитых работорговцами, на пленников, на которых были надеты цепи и деревянные колодки, и на дым, поднявшийся над ее домом, подожженным злодеями.

Одно мгновение португалец казался испуганным, затем громко засмеялся и, перекрестившись по обычаю этого народа для защиты от проклятия, произнес:

– Как! Вы пророчествуете, моя голубка! Вы говорите, что можете ускользнуть, если захотите. Ну, мы это посмотрим. Приведите другого мула для леди!

Мул был приведен, и Хуанна, моя госпожа, села на него. Затем работорговцы пристрелили тех из рабов, которые, по их мнению, не имели никакой цены; кожаные плетки опустились на черные спины, и караван двинулся к берегам реки.

Когда он скрылся из вида, я вышла из своего убежища, отыскивала тех из поселенцев, которым удалось ускользнуть от рук злодея, и просила их пойти с оружием по следам Желтого дьявола, чтобы при удобном случае освободить мою госпожу, которую они любили. Но они боялись сделать это, да и многие из старшин были взяты в плен. Они только плакали о своих умерших родственниках и сожженных краалях.

– Труссы! – сказала я им. – Если вы не хотите идти, то я одна пойду. По крайней мере, пусть кто-нибудь из вас пойдет вверх по реке и, отыскав Мэвума, расскажет ему о том, что произошло в его доме!

Они обещали мне это, и я, взяв одеяло и немного пищи, отправилась следом за караваном работорговцев. Четыре дня я шла за ними, пока, наконец, у меня не вышла пища и силы не оставили меня. На утро пятого дня я не могла больше идти и, взойдя на вершину скалы, долго следила за извивавшимся по равнине длинной лентой караваном. В середине его были два мула, и на одном из них сидела женщина. Тогда я убедилась в том, что еще ничего не случилось с моей госпожой, так как она была еще жива.

С горы я увидела вдали маленький крааль. Собрав последние силы, я пошла к нему. Жителям его я сказала, что убежала от работорговцев, и они приняли меня ласково. От них я узнала, что несколько белых людей из Наталя искали в этих горах золото, и весь следующий день я провела в поисках, думая, что они могут помочь мне, так как хорошо знаю, что англичане не любят работорговцев. Вот, наконец, господин, я пришла сюда с большим трудом и прошу тебя освободить мою госпожу из рук Желтого дьявола. О, господин, я кажусь бедной и жалкой; но скажу тебе, что если ты освободишь ее, то можешь получить большое вознаграждение. Да, я открою тебе то, что скрывала всю мою жизнь, даже от моего господина Мэвума. Я открою тебе тайну сокровищ моего народа, «детей тумана»!

При этих словах Леонард, молча и внимательно слушавший рассказ Соа, поднял голову и посмотрел на нее, думая, что горе помутило ее рассудок. Однако на лице женщины выражалось только сильное волнение, но не сумасшествие.

– В своем ли ты уме, матушка? – сказал он наконец. – Ты видишь, что я один здесь со слугой, так как три моих товарища, о которых люди из крааля говорили тебе, умерли от лихорадки, и я сам поражен ею. Как же ты просишь меня отправиться в этот лагерь работорговцев, местонахождения которого ты даже не знаешь, чтобы одному освободить твою госпожу, если действительно у тебя есть госпожа и твой рассказ верен? Как не подумать, что ты не в своем уме?

– Нет, господин, я не сошла с ума, и то, что я говорила тебе, правда до последнего слова. Конечно, я прошу большой вещи, но хорошо знаю, что вы, англичане, можете сделать любые дела, если вам хорошо заплатить. Постарайся помочь мне, и ты получишь хорошее вознаграждение. Даже если тебе и не удастся помочь мне и ты останешься жив, то все-таки получишь награду, хотя не так много, может быть, но все-таки больше того, что мог бы когда-нибудь получить!

– Не говори больше о вознаграждении, – раздраженно прервал ее Леонард, которого задел скрытый сарказм слов Соа. – Вот лучше не можешь ли ты вылечить меня от лихорадки? – прибавил он, смеясь.

– Я могу это сделать, – спокойно отвечала она, – завтра утром я буду лечить тебя!

– Тем лучше! – сказал он с недоверчивой улыбкой. – А теперь скажи мне, куда же увезли твою госпожу? Вероятно, то гнездо, о котором говорил португалец, находится в тайном месте? Сколько дней тому назад она была увезена?

– Сегодня идет 12-й день, господин. А место гнезда – тайна, вот все, что я знаю. Открыть ее – дело твоей мудрости!

Леонард подумал немного, и внезапная мысль осенила его. Обратившись к карлику, который в молчании слушал разговор Соа с Леонардом, он сказал ему по-голландски:

– Оттер, тебя когда-то уводили в рабство?

– Да, баас, это было десять лет тому назад!

– Как это случилось?

– Вот как, баас. Я охотился на Замбези с воинами одного племени – это было после того, как мой собственный народ прогнал меня, потому что, по их словам, я был слишком

безобразен, чтобы быть их начальником, на что имел право по рождению. В это время Желтый дьявол, тот самый человек, о котором говорит эта женщина, с арабами напал на нас и увлек в свое убежище, чтобы ждать здесь покупателей рабов. В тот день, когда последние прибыли, я убежал вплавь, а все остальные, оставшиеся в живых, были увезены на кораблях в Занзибар!⁸

– Можешь ли ты найти дорогу к этому месту?

– Да, баас, хотя найти место очень трудно, так как дорога к нему идет болотами. Кроме того, место это скрыто и защищено водою. Всем рабам во время последнего дня пути были завязаны глаза. Но я поднял повязку при помощи носа, – ах, мой большой нос очень хорошо служил мне в этот день – и следил за дорогой из-под повязки, а Оттер никогда не забудет дороги, по которой прошли его ноги. Вот почему я и смог по той же дороге вернуться назад!

– Ты мог бы отсюда найти это место?

– Да, баас. Я пошел бы вдоль этих гор, десять дней или более, пока бы не достиг южного рукава Замбези ниже Люобо. Затем мне было бы нужно еще один день следовать вниз по реке, а после этого два дня по болотам, и я пришел бы к месту. Но это неприступное убежище, баас, и там много людей с ружьями, есть даже большая пушка!

Леонард снова подумал и, обратившись к Соа, спросил ее:

– Ты понимаешь по-голландски? Нет? Я должен тебе сказать, что узнал кое-что об этом гнезде от моего слуги. Перейра сообщил, что от дома твоего господина восемь дней пути, так что твоя госпожа три или четыре дня находится в гнезде, если она только увезена туда. Затем, насколько я знаю обычаи работорговцев этих мест, они не начнут выводить рабов еще целый месяц, пока не прекратятся муссоны. Поэтому, если я не ошибаюсь, времени еще довольно. Заметь, матушка, что я не обещаю еще ничего: сначала я должен подумать!

– Да, белый человек, ты сделаешь все, если узнаешь вознаграждение. Но про это я скажу тебе завтра, после того, как вылечу тебя от лихорадки. А теперь, пожалуйста, черный человек, укажи мне место, где я могла бы спать: я очень утомлена!

⁸ Занзибар – остров в Индийском океане у восточного побережья Африки, с одноименным городом. В описываемое время Занзибар был одним из центров работорговли.

Глава VII. Леонард клянется кровью Аки

На следующее утро Леонард проснулся рано от тревожного сна, так как лихорадка начала сильно мучить его, но Соа встала еще раньше, и когда он вышел из грота, то первое, что увидел, была ее высокая фигура, склонившаяся над стоявшим на огне котелком, содержимое которого она по временам помешивала.

– Доброго утра, белый человек! – сказала она. – Вот здесь то, что вылечит тебя от болезни, как я обещала! – И она сняла с огня котелок.

Леонард понюхал: жидкость пахла отвратительно.

– Это скорее способ отравить меня, матушка! – сказал он.

– Нет, нет, – отвечала она с улыбкой, – выпей половину теперь и половину в полдень, и лихорадка больше не будет тебя беспокоить!

Как только жидкость остыла, Леонард выпил половину ее, сильно сомневаясь в успехе лечения.

– Хорошо, матушка, если грязь есть доказательство добродетели, то твоё средство окажется хорошим! – проговорил он.

– Оно хорошо, – важно говорила она, – многие были спасены им на краю смерти!

Благодаря ли средству Соа, или по другой причине, но Леонард уже с наступлением ночи стал себя чувствовать гораздо лучше, а дня через два он был здоров.

Вскоре после того, как Леонард выпил лекарство, он увидел Оттера, спускавшегося с холма с большим убитым животным на плечах.

– Старуха принесла нам счастье, – проговорил карлик, положив на землю свою добычу. – Кусты опять полны дичью. Я только вышел сегодня, как убил молодую жирную куду⁹, и там их еще много.

Из принесенной Оттером добычи был приготовлен завтрак, после которого Леонард опять заговорил с Соой.

– Матушка, – начал Леонард, – прошлую ночь ты просила меня отважиться на великое дело, обещая мне за это вознаграждение. Ты говорила, что мы, англичане, можем много сделать за золото, а я бедный человек, ищущий богатства. Ты просишь меня рискнуть моей жизнью; ну, так скажи мне, за какую цену ты предлагаешь мне сделать это?

Соа несколько минут молча смотрела на него и потом ответила:

– Белый человек, слышал ли ты когда-нибудь о моем народе, «детях тумана»?

– Нет, только знаю, что он есть. Что же дальше?

– Вот что: я, Соа, была дочерью Верховного жреца этого народа и убежала оттуда много лет тому назад, после того, как была назначена для жертвоприношения богу Джалю, который имеет такой же вид, как этот черный человек! – указала она на Оттера.

– Это очень интересно, – сказал Леонард, – продолжай!

– Белый человек, этот народ – великий народ. Он живет в Стране тумана, на возвышенностях, под сенью снежных горных вершин. Мои соплеменники ростом больше других людей и очень жестоки, но женщины их прекрасны. О происхождении моего народа я не знаю ничего; оно затеряно в прошедшем. Он почитает древнюю каменную статую, имеющую вид карлика, и приносит ему в жертву кровь людей. У подножия статуи находится пруд с водой, а к нему при-
мыкает пещера. В этой пещере, белый человек, живет тот, изображение которого мой народ почитает, – Джаль, имя которого – Ужас!

– Ты хочешь сказать, что карлик живет в пещере? – спросил Леонард.

⁹ Куду – винторогая антилопа.

– Нет, белый человек, не карлик, но священный крокодил, которого они называют змеем, громаднейший крокодил и самый старый, так как он жил там с самого начала мира. Этот змей пожирает тела тех, кого приносят в жертву черному существу!

– Все это очень любопытно, – заметил Леонард, – но я не вижу, какую же пользу можно извлечь из всего этого?

– Белый человек, жрецы детей тумана приносят в жертву своему богу не только жизнь детей, но и такие безделки! – И, освободив внезапно свою руку, она показала изумленному Леонарду рубин или камень, казавшийся рубином, необычайной величины и ослепительного блеска.

– У твоего народа много таких камней, Соа? – спросил Леонард. – Где же они находят их?

– Да, белый человек, они много находят их в сухом ложе реки, хотя, конечно, такие большие попадаются редко, в одном месте, известном только жрецам; вместе с такими они находят еще другие камни прекрасного голубого цвета!

«Должно быть, сапфиры, – подумал Леонард, – их обыкновенно находят вместе!»

– Они откалывают их каждый год, – продолжала она, – и самый большой из камней, найденный ими, привязывают ко лбу той женщины, которая избирается в жены богу Джалю. Затем, еще до жертвоприношения, они снимают камень со лба и прячут его в тайном месте, где сложены все камни, бывшие у всех предыдущих жертв. Глаза Джалья также сделаны из этих камней. Легенда в моем народе, белый человек, гласит, что Джаль, бог смерти и зла, убил свою мать, Аку, в давно минувшие времена. На том месте, где он убил ее, находят красные камни, это ее кровь, и голубые – ее слезы, которые она проливала, умоляя его о пощаде. С тех пор кровь Аки приносят в жертву Джалю и будут приносить до тех пор, пока Ака не вернется снова принимать поклонение от страны!

«Прекрасный пример из мифологии, – проговорил про себя Леонард, – наши старые друзья – мрак и заря в африканской интерпретации, я полагаю».

– Слушай, матушка, – обратился он снова к Соа. – Этот камень, если он драгоценный, стоит нескольких унций золота, но есть другие камни, так похожие на него, что неопытный человек может спутать их, и те камни имеют очень маленькую цену. Конечно, очень может быть, что этот камень, а также и другие, о которых ты говоришь, настоящие рубины; во всяком случае, я бы хотел достать их. Но скажи мне, какой у тебя план? Как я могу добыть эти рубины?

– Белый человек! – отвечала она. – Если ты согласишься помочь мне, я тут же дам тебе этот камень. Пообещай мне только предпринять освобождение моей госпожи! Я вижу по твоим глазам, что ты исполнишь обещание, раз дашь его! – и она, замолчав, смело посмотрела на него.

– Очень хорошо, – сказал Леонард, – но, принимая во внимание риск, я нахожу цену недостаточной. Как я сказал тебе, этот камень может ничего не стоить. Ты должна предложить что-нибудь получше, матушка!

– Верно, белый человек, я судила о тебе правильно, – отвечала с усмешкой Соа, – конечно, ты мудро рассудил: за маленькое вознаграждение – малое дело. Вот какую плату я предлагаю тебе. Если тебе удастся освободить мою госпожу из когтей Желтого дьявола, я, от ее имени и от своего собственного, обещаю привести тебя в страну моего народа и укажу средство достать все другие бесценные камни, спрятанные там!

– Хорошо, – сказал Леонард, – но почему ты обещаешь не только от своего имени, но и от имени твоей госпожи?

– Без нее ничего нельзя сделать, белый человек, мой народ великий и сильный, а у нас нет средств покорить его войною. Здесь хитрость должна служить нам оружием!

– Ты должна говорить яснее, Соа. Я не могу победить народ великий и сильный, а у нас нет средств покорить этот народ хитростью, и какое отношение ко всему этому имеет мисс Родд, твоя госпожа?

– Это ты узнаешь со временем, белый человек, после того, как освободишь ее. До тех пор губы мои будут закрыты. Скажу тебе только, что у меня есть план, и этого довольно, больше я ничего не скажу. Если ты откажешься, то я обращусь за помощью к другим!

Леонард подумал немного и, видя, что она решила ничего более не объяснять, сказал:

– В таком случае хорошо. Но я не знаю, согласится ли твоя госпожа исполнить данное тобою от ее имени обещание?

– Я отвечала за нее, – сказала Соа, – она никогда не откажется от моего слова. Белый человек, я открыла тебе очень важную тайну, и если ты отправишься вместе со мной в страну моего народа, то мне будет угрожать смерть, если я буду разоблачена. Я рассказала тебе это и предложила подарок потому, что видела твою нужду в деньгах, и была уверена в том, что, не имея надежды на получение денег, ты бы не захотел рисковать жизнью в таком опасном деле. Но я так люблю мою госпожу, что готова рискнуть моей жизнью, ах, я отдала бы шесть жизней, если бы имела их, чтобы только спасти ее от позорного рабства. Ну, белый человек, мы говорили достаточно. Ты согласен?

– Что ты скажешь на это, Оттер? – спросил Леонард, задумчиво пощипывая свою бороду. – Ты слышал этот удивительный рассказ? Дай мне совет: ты человек ловкий!

– Я слышал весь рассказ, баас, – отвечал Оттер, – что касается моей ловкости, то я, может быть, ловок, может быть – нет. Мой народ говорил, что я ловок, и это было одной из причин, почему он не хотел меня своим вождем. Если бы я был только ловок, они бы это перенесли, как и мое безобразие; но так как я был и ловок, и безобразен, то они не захотели такого вождя. Они боялись, что я могу сделать весь народ безобразным!

– К чему ты говоришь все это? – сказал Леонард, понимавший, однако, что карлик говорил так с целью дать ему самому время обдумать свой ответ. – Дай мне совет, Оттер!

– Баас, что я могу тебе сказать? Я не знаю цены этого красного камня. Я не знаю, откуда эта женщина, о которой сердце мне не говорит ничего хорошего; не знаю, правду ли она говорит, или лжет о том далеком народе, живущем в тумане и почитающем бога такого же вида, как я. Нигде еще не поклонялись мне, как богу, и, если есть такая страна, то я бы хотел отправиться туда. Что касается освобождения ее госпожи из гнезда Желтого дьявола, то я не знаю, как это сделать. Скажи мне, сколько человек Мэвума было взято в плен с твоей госпожой?

– Человек пятьдесят! – отвечала Соа.

– Хорошо, – продолжал карлик, – если мы освободим этих людей и если они храбры, то можем кое-что сделать, но, во всяком случае, все это не наверное, баас. Впрочем, если ты думаешь, что цена хорошая, то мы можем попробовать. Это будет все-таки лучше, чем сидеть здесь. Никто не может знать, что случится. От судьбы не уйдешь.

– Хорошая пословица! – сказал Леонард.

– Соа! Я принимаю твое предложение, хотя безумно было бы надеяться на успех. Теперь мы заключим с тобой письменный договор, во избежание каких-либо недоразумений. Возьми немного крови из горла козы. Оттер, смешай ее с порохом и горячей водой; это заменит нам чернила!

Когда Оттер занялся этим, Леонард стал искать бумагу, которой, однако, не нашлось ни одного клочка. Последний запас бумаги, оставшийся у него, был унесен бурей в ночь смерти его брата. Тогда он вспомнил о молитвеннике, подаренном ему Джейн Бич. Чистый листок, на котором стояла подпись Джейн, он не хотел портить, поэтому решил писать поперек заглавного листа. Вот что он написал мелкими буквами на первом листе молитвенника:

Договор между Леонардом Утрамом и Соа, туземной женщиной.

1. Означенный Леонард Утрам обязуется употребить все свои силы для освобождения Хуанны, дочери мистера Рода, взятой в рабство неким Перейрой, работником.

II. В вознаграждение услуг названного Леонарда Утрама, означенная Соа сим обязуется, за свой счет и от имени названной Хуаны Родд, провести его в некоторое место в центре Юго-Восточной Африки, населенное племенем, известным под именем «народа тумана», здесь помочь ему овладеть большим количеством рубинов, употребляемых в религиозных церемониях названным племенем. Сверх сего, названная Соа обязуется, от имени упомянутой Хуанны Родд, что последняя будет сопровождать ее в путешествии и будет исполнять среди этого народа ту роль, в какой окажется необходимость для успеха дела.

III. Названные лица взаимно обязуются продолжать дело до тех пор, пока названный Леонард Утрам не убедится, что оно безнадежно.

Заключено в горах Маника, Восточная Африка, 9 мая 18... года.

Окончив этот документ, Леонард громко прочел его и от всей души рассмеялся сам над собой.

Пересказав содержание документа Оттеру, он спросил мнение карлика.

– Очень хорошо, баас, очень хорошо, – отвечал тот, – удивительны эти белые люди! Но, баас, как эта старуха может ручаться за других?

Леонард стал задумчиво пощипывать свою бороду. Карлик коснулся самого слабого места в документе. Но Соа избавила его от затруднения, сказав спокойно:

– Не бойся, белый человек, моя госпожа исполнит то, что я обещала от ее имени. Дай мне перо, чтобы я могла сделать мой знак на бумаге. Но сначала ты должен поклясться этим красным камнем, что будешь стараться исполнить то, что написано тут!

Леонард засмеялся, поклялся и подписал документ, а Соа сделала свою метку. Оттер скрепил бумагу в качестве свидетеля, и дело было окончено. Рассмеявшись снова над всем этим, Леонард, написавший документ скорее в шутку, чем из каких-либо других побуждений, положил молитвенник в свой карман, спрятав также и большой рубин.

Старуха следила за тем, как исчез камень, с выражением торжества на своем злом лице, затем радостно воскликнула:

– А, белый человек, ты взял его и теперь ты мой слуга до конца. Поклясться кровью Аки – настоящая клятва, и горе тому, кто нарушит ее!

– Да, я взял твой камень, – сказал Леонард, – и выполню свою клятву, но нечего говорить о крови Аки, когда мы рискуем нашей собственной кровью. А теперь нам лучше готовиться к отправлению!

Глава VIII. Отправление

Прежде всего надо было позаботиться о пище, и Леонард приказал Оттеру нарезать ломтями козье мясо и положить его на скалы для сушки под палящими лучами солнца. Затем они рассортировали свое имущество и выбрали то, что можно было взять с собой. Увы! Его было немного. По одеялу на каждого, по паре сапог, немного лекарств, два самых лучших ружья с запасом снарядов, компас, бутылку для воды, три ножа, гребень и маленький железный котелок – все-таки значительная тяжесть для двух мужчин и одной женщины, решившихся идти через горы, равнины и болота.

Этот багаж был разделен на три части, причем Соа досталась самая легкая, а Оттеру наиболее тяжелая.

– Ничего, – сказал карлик, – я мог бы нести все три узла в случае необходимости! – И, зная силу карлика, Леонард не счел его слова за хвастовство.

Все вещи, которые они решили не брать с собой, были зарыты в гроте вместе с горными инструментами. Леонард взял также и все добытое им золото – около ста унций. Одну половину его он спрятал вместе с рубином в своем поясе, а другую отдал Оттеру. Сначала он хотел оставить золото в гроте, но потом вовремя вспомнил, что золото ведь может пригодиться, тем более среди португальских и арабских работорговцев.

Вечером, когда все вещи были уложены и луна показалась над горизонтом, Леонард прикрепил свой узел себе на плечи ремнями. Оттер и Соа последовали его примеру. Для того, чтобы избежать дневного зноя и опасности натолкнуться где-нибудь на работорговцев, решено было путешествовать ночью, при свете луны.

– Следуйте за мной через несколько минут, – сказал Леонард Оттеру, – я побуду на могиле брата!

Через четверть часа они тронулись в путь навстречу новым опасностям, а быть может, и смерти. Впрочем, Леонард бодро смотрел в будущее. В самом деле, разве не исполнилось предсказание его брата? Разве к нему не пришла женщина и не дала ему драгоценный камень, который, если только он настоящий рубин, сам по себе – целое состояние?

Мы не будем следовать шаг за шагом за Леонардом Утрамом и его спутниками. Целую неделю они уже шли по ночам, как и предполагали. Они взбирались на горы, проходили болотами, переплывали реки, то голодая, то имея обильные запасы пищи, которую находили в изредка попадавшихся им бедных краалях.

На восьмую ночь они остановились на склоне высокой горы. Луна зашла, идти далее было невозможно; кроме того, они были утомлены долгим путешествием. Завернувшись в свои одеяла, чтобы защитить себя от ночного холода, они легли под тенью нескольких кустарников, рассчитывая проспать до зари.

На рассвете Оттер разбудил Леонарда.

– Смотри, баас, – сказал карлик, – мы шли правильно. Внизу большая река, а там вдали, вправо, море!

Оттер был прав. Действительно, в нескольких милях от них по большой равнине, покрытой кустарниками и переходившей постепенно в болото, шел тот рукав Замбези, которого они хотели достичь.

– Около пяти часов пути отсюда, – продолжал карлик, – горы приближаются к реке. Туда-то нам и надо идти, чтобы достичь того большого болота, возле которого и находится гнездо Желтого дьявола!

После полудня путники отправились дальше и к ночи, еще до восхода луны, очутились у изгиба горы, примыкавшего к берегу реки. Взошедшая вскоре луна осветила удивительно безотрадную картину. В обширном полукруге, образованном изгибом гор, текла река, усеян-

ная зелеными островами. Низменный берег реки переходил в громадное болото, имевшее в ширину от одной до двадцати миль и заросшее камышом. Запах гнили носился в воздухе над этим местом, наводившим ужас своей пустынностью и разрушением. Однако оно жило своею собственной жизнью. Стаи диких уток летели с моря, чтобы искать здесь пищи; аллигаторы и гиппопотамы плескались в воде; выпь кричала в камышах, и отовсюду раздавалось кваканье тысячи лягушек.

– Там проходит дорога работорговцев, – сказал Оттер, указывая на одно место на горном берегу реки, – или, по крайней мере, раньше она проходила там!

– Выйдем на эту дорогу, – ответил Леонард, – мы можем немного пройти по ней и затем расположиться на ночлег!

Путники дошли до указанного карликом места, где Оттер стал, точно гончая собака, рыскать по кустам. Через несколько минут он поднял руку и свистнул.

– Так я и думал, – сказал он, когда его спутники подошли ближе, – тропинка та же, что была и раньше. Смотри, баас!

С этими словами Оттер раздвинул один из кустов, под которым оказался разложившийся труп женщины с ребенком.

– Умерла не более двух недель тому назад, – флегматично произнес карлик. – Да! Желтый дьявол оставляет за собой такие следы, что по ним нетрудно найти дорогу!

Соа стала внимательно всматриваться в скелет.

– Одна из женщин Мэвума, – сказала она, наконец, – я узнаю это по костям ног!

После этого пошли далее и часа через два достигли такого места, где тропинка упиралась в реку.

– Что теперь делать, Оттер? – спросил Леонард.

– Здесь рабов сажают в лодки, – отвечал карлик, – перед этим они «выпалывают сорную траву», то есть убивают слабых и больных, чтобы не возиться с ними. Пойдем туда, посмотрим, там, наверное, есть лодки!

Леонард и Соа пошли по указанному Оттером направлению.

– Есть одна лодка, – сказал карлик, остановившись в одном месте, – и «сорная трава» лежит здесь по-прежнему!

Леонард, подойдя ближе, увидел ужасную картину. На небольшом открытом пространстве лежали сложенные в кучу тела человека сорока мужчин, женщин и детей, недавно умерших. Вблизи виднелись другие кучи костей, страшно белевших при лунном свете – следы прежних жертвоприношений. Первая куча мертвецов лежала вблизи заросшего мохом места, где были видны следы лодок, очевидно, недавно только отчаливших отсюда.

При виде костей несчастных жертв зверства работорговцев в душе Леонарда вспыхнуло сильное желание встретиться лицом к лицу с Желтым дьяволом, издевавшимся над кровью и агонией беззащитных, и отомстить ему за это, если можно.

– Мы должны остановиться здесь до утра, стало уже темно! – сказал Леонард.

Путники расположились на ночлег на этой Голгофе, в этом ужасном месте, покрытом костями, из которых каждая вопияла к небу о мщении.

В гигантских камышах шумел ночной ветер, придавая клубам тумана фантастические очертания. По временам лягушки поднимали свой концерт, затем снова замолкали; цапля кричала вдали, когда аллигатор или гиппопотам разрушали ее гнездо, а с высоты доносился шум крыльев диких уток, летевших к океану! Но в воображении Леонарда все эти голоса природы сливались в один хор, раздававшийся из кучи костей, хор скорбных звуков, летевших со стоном к небесам и вопиявших: «Боже, доколе беззаконие будет царить на земле, доколе Твоя рука будет бездействовать?»

Когда темнота прошла и солнце показалось во всем своем блеске, путешественники поднялись, стерли ночную росу с волос и принялись за скудный завтрак. Затем они молча направились к лодке, спустили ее в воду, и Леонард с Оттером взялись за весла.

В этом путешествии по реке оказала им большую услугу превосходная память карлика. Без него они не могли бы сделать ни одной мили, так как река дробилась на бесчисленные лагуны и естественные каналы, прорезанные течением воды в густой чаще тростника. Не было никакой возможности отличить один канал от другого. Тем не менее карлик уверенно показывал дорогу. Десять лет тому назад он был в этих местах и все же вел Леонарда безошибочно. По временам попадались новые каналы, не существовавшие прежде, но, подумав немного, Оттер указывал, по какому следовало ехать.

Так они двигались вперед большую часть дня, пока к вечеру не достигли места, где отдельный канал, которым они следовали, разделялся на два рукава, принимавших один северное, а другой южное направление.

– Как теперь ехать, Оттер? – спросил Леонард.

– Ну, баас, я и сам не знаю. Вода изменила свое течение: здесь была прежде земля, и дорога шла прямо.

Это была большая опасность; один неверный шаг – и они могли заблудиться в этом лабиринте.

После долгого размышления Оттер предложил, наконец, ехать по левому рукаву, но Соа, до сих пор молчавшая, посоветовала взять вправо. Леонард сначала не согласился, но она настаивала, и лодка поехала в новом направлении. Пройдя ярдов 300 и не видя ничего, Оттер хотел посоветовать повернуть назад.

– Подожди, белый человек, – произнесла вдруг Соа, своими быстрыми глазами внимательно оглядевшая поверхность воды. – Что это там? – указала она на что-то белевшее в тростниках ярдах в сорока впереди.

– Перья, я полагаю, – отвечал Леонард, – однако поедем туда и посмотрим!

– Это бумага, баас! – сказал Оттер, когда они подъехали близко к заинтересовавшему их белому предмету. – Кусок бумаги на тропинке!

– Сними его поосторожнее! – сказал Леонард, с невольным забившимся сердцем при виде куска бумаги в подобном месте.

Когда Оттер положил на скамейку лодки снятый им с тростника кусок бумаги, Соа стала внимательно разглядывать его.

– Это лист из Священной Книги, которую читала моя госпожа, – произнесла, наконец, она с убеждением. – Я узнаю ее. Моя госпожа вырвала один лист и укрепила на тростнике, как знак для того, кто бы пошел по ее следам!

– Очень вероятно, – отвечал Леонард. – Тебе пришла очень хорошая мысль поехать по этому направлению. – Затем, нагнувшись к листу бумаги, он прочел следующие стихи, которые еще можно было разобрать:

Ибо Он приникнул со святой высоты Своей, с небес призрел Господь на землю,

Чтобы услышать стон узников, разрешить сынов смерти...

Сыны рабов Твоих будут жить, и семя их утвердится пред лицом Твоим.

– Гм... – произнес Леонард про себя, – тексты весьма соответствуют нашему положению. Верящий в приметы счел бы это за хороший знак!

Через час они достигли конца острова.

– Ага, – сказал Оттер, – теперь я снова узнаю дорогу. Это тот самый рукав. Если бы мы не вошли в него, то, вероятно, так бы и не попали на правильную дорогу!

– Скажи, Оттер, – спросил Леонард, – ты убежал из лагеря работоторговцев, как же это ты сделал, – в лодке?

– Нет, баас. Баас знает, что я силен. Мой дух, давший мне безобразие, одарил меня зато силой, а если бы я был так же красив, как ты, но не имел силы, то я был бы теперь или рабом, или мертвым. Со скованными цепями руками я убил того, кто был приставлен стеречь меня, и взял у него нож. Затем я разорвал свои цепи; смотри, баас, у меня до сих пор остались от них рубцы. Затем, когда другие подбежали, чтобы убить меня, я бросился в воду и нырнул, так что они более не видали меня. После я плыл этой дорогой, останавливаясь по временам на островах, иногда же бежал вдоль берега, где тростники настолько густы, что меня никто не мог увидеть. Через четыре дня я был уже в безопасности!

– Чем же ты питался все это время?

– Кореньями и птичьими яйцами!

– А крокодилы не пробовали съесть тебя?

– Да, баас, однажды, но я ловок в воде. Я вскочил на спину водяной змеи и через глаз вонзил нож в ее мозг. Ах! Мой дух тогда был со мною. Затем, вымазавшись кровью крокодила, я спокойно поплыл далее, и аллигаторы более не трогали меня, принимая по запаху за своего брата.

– Скажи, Оттер, а теперь разве ты не боишься возвращаться в эти места?

– Немножко, баас; ведь мы идем в тот ад, о котором говорите вы, белые люди. Но куда идет баас, туда охотно последую и я. Кроме того, мне хотелось бы взглянуть еще раз на Желтого дьявола, чтобы убить его этими руками!

И карлик, подняв весло, зарычал в ярости:

– Убить его! Убить его! Убить его!

– Тише! – сказал с досадой Леонард. – Ты хочешь напустить на нас арабов, что ли?

Глава IX. Гнездо желтого дьявола

Солнце зашло, и трое путешественников, как и в предыдущую ночь, расположились на острове, ожидая восхода луны. Найдя пару диких утят, они хотели развести костер, чтобы приготовить себе ужин, но Леонард отклонил эту мысль.

– Это опасно, – заметил он, – огонь могут заметить издали!

Пришлось ограничиться скудным ужином из сушеного мяса и сырых утиных яиц.

Хорошо, что они приняли эту предосторожность, так как, едва мрак сгустился, послышался шум весел, и несколько лодок проплыли мимо них. Люди, сидевшие в этих лодках, перекликались по временам на арабском и португальском языках.

– Ложитесь на землю и не шевелитесь! – прошептал Оттер. – Здесь работорговцы будут приставать со своими лодками!

Леонард и Соа последовали его совету, а работорговцы, усердно гребя против течения, прошли ярдах в сорока от них и повернули к берегу.

– Дорогу, товарищи! – кричал один из работорговцев, выезжая на своей лодке вперед. – Место остановки близко, и там есть ром для тех, кто заслужил его!

– Надеюсь, что они не остановятся здесь! – сказал тихо Леонард.

– Тсс... – прошептал Оттер, – они причаливают, я слышу!

Действительно, ярдах в двухстах от них работорговцы пристали к берегу. Вскоре два ярких языка пламени показали, что они развели костры.

– Нам лучше уйти отсюда, – произнес Леонард, – если они заметят нас, то...

– Они не заметят нас, баас, если мы будем лежать тихо! – возразил Оттер. – Подождем здесь. У меня есть другой план. Слушай, баас... – и он зашептал что-то на ухо своему господину.

Леонард согласился на предложение карлика, и они остались на прежнем месте. От костров к ним доносился шум пьяной оргии работорговцев. Через час Леонард поднялся на ноги; его примеру последовал Оттер, проговорив:

– Я пойду ближе, баас. Я могу двигаться, как кошка!

– Куда вы хотите идти, белый человек? – спросила Соа.

– Поближе к ним, чтобы подслушать их разговор. Я понимаю по-португальски. Оттер, возьми нож и револьвер, но ружья не бери!

– Хорошо, – сказала женщина, – будьте только осторожны. Они – ловкий народ!

– Да, да, – ответил Оттер, – но баас тоже ловок, да и я такой же. Не бойся за нас, мать!

Осторожно крадясь по камышам, Леонард и карлик двинулись вперед. Когда они уже были ярдах в двадцати от костров, Леонард оступился и попал ногою в болото, устроив сильный шум. Несколько работорговцев, услышав всплеск воды, вскочили на ноги, но Оттер тотчас зафыркал, подражая голосу молодого гиппопотама.

– Морская корова, – произнес один работорговец по-португальски, – огонь испугает ее, и она не тронет нас!

Леонард и Оттер, выждав некоторое время, подкрались к кусту, вблизи которого сидели работорговцы. Леонард мог ясно слышать каждое слово из разговора негодяев. Их было двадцать два человека. Один, их предводитель, по-видимому, был чистокровный португалец, а остальные – мулаты и арабы. Все они пили из оловянных кружек ром и многие из них были уже полупьяны; по крайней мере, языки их развязались.

– Проклятие отцу нашему, дьяволу, – произнес один мулат, – что ему вздумалось как раз сейчас отправить нас с лодками! Мы можем пропустить потеху!

– Какую потеху? – спросил предводитель банды. – Еще три или четыре дня птиц не будут сажать в клетки: покупателей еще ждут, да и здесь говорят об английском крейсере, – чтоб ему провалиться в преисподнюю, – который снует у устья реки!

– Нет, я не про то говорю, – отвечал мулат, – немного удовольствия посмотреть на продажу вонючих негров; я говорю о продаже с аукциона белой девушки, дочери англичанина-купца, захваченной нами недавно. Вот красotka – для счастливой собаки! Я никогда не видал ничего подобного, – что у нее за глаза, что за характер!

– Ну, вам нечего думать о ней, – усмехнулся вожак, – она слишком дорога для таких молодцов, как вы; кроме того, глупо тратить много денег на девушку, белую или черную. Когда будет аукцион?

– Он был назначен в ночь перед отправлением партий, но теперь говорят, что он состоится завтра ночью. Скажу вам, почему Желтый дьявол спешит с этим делом: он боится ее, думая, что она принесет ему несчастье, и хочет скорее отделаться от нее. Ах! Старик забавник любит шутки. «Все мужчины братья, – сказал он вчера, – черные и белые; поэтому все женщины сестры». На этом основании он хочет продать ее, как негритянку. Ха, ха, ха! Дайте, братец, рому, дайте рому!

– Может быть, он еще отложит этот аукцион, и мы можем поспеть вовремя, – заметил вожак, – во всяком случае, за здоровье этой девушки! Кстати, догадался ли кто-нибудь спросить пароль? Я сам забыл это сделать.

– Да, – отвечал мулат, – прежнее слово «Дьявол»!

Так они говорили около часу, частью о Хуанне, частью о других вещах. Когда работорговцы совершенно опьянели, разговор их сделался настолько возмутительным, что, прислушиваясь к нему, Леонард едва мог лежать спокойно. Наконец, один за другим негодяи погрузились в крепкий сон, и все стихло. Работорговцы не поставили часового, так как здесь на острове не ожидали никаких врагов.

Тогда Оттер приподнялся на руках, и его лицо при слабом свете луны загорелось огнем дикого торжества.

– Баас, – прошептал он. – не сделать ли нам это? – И он провел рукой по горлу.

Леонард задумался на одно мгновение. Его ярость была сильна, однако он содрогался при мысли об убийстве спящих людей, хоть они и были злодеи. Кроме того, разве возможно было сделать это без шума! Некоторые из негодяев могут проснуться, страх отрезвит их, и тогда борьба с ними будет немыслима.

– Нет, – шепотом отвечал он, – иди за мной; мы лучше спустим в воду их лодки.

– Хорошо, хорошо, – сказал Оттер.

Крадучись, как змеи, они проползли около сорока ярдов к тому месту, где к низкому дереву были привязаны лодки – три челнока и пять широких плоскодонных барок с оружием и провизией работорговцев. Отвязав лодки, они легко оттолкнули их, – и флотилия работорговцев двинулась вниз по течению, чтобы исчезнуть вскоре из виду в ночном мраке.

Сделав это, Леонард и Оттер пошли назад. Путь их проходил шагах в пяти от негодя мулата, говорившего с вожаком о Хуанне. Леонард посмотрел на него и хотел ползти дальше. Уже Оттер был шагах в пяти впереди, как вдруг луна выступила из-за облаков, и свет ее упал на лицо работорговца. Он проснулся, поднял голову и увидел Леонарда. Последнему нельзя было медлить – или тогда все пропало: подобно тигру, вцепился он в горло мулата и сильно сжал его в своих руках, прежде чем тот мог вскрикнуть. Произошла короткая борьба, и в руке Леонарда сверкнул нож. Оттер не успел еще подойти к своему господину, как все было кончено так быстро и тихо, что ни один человек из банды не проснулся, хотя один или два из них шевелились и бредили в тяжелом сне.

Леонард, целый и невредимый, вскочил на ноги и вместе с Оттером поспешно направился к тому месту, где осталась Соа.

Женщина, посмотрев на запачканную кровью куртку Леонарда, лаконично спросила:

– Сколько?

– Один! – отвечал Оттер.

– Я бы хотела, чтобы все, – свирепо промолвила Соа, – но вас только двое!

– Скорее в лодку, – сказал Леонард, – они сейчас погонятся за нами!

В следующую минуту они уже плыли по реке, удаляясь от острова. Сначала лодка была направлена поперек реки к противоположному берегу, отстоявшему от острова ярдах в 800, чтобы можно было скрыться в тени берега. Когда они приблизились к последнему, Оттер, положив весла, весело рассмеялся.

– Чего ты смеешься, черный человек? – спросила Соа.

– Взгляни туда, – отвечал карлик, указывая на какой-то предмет, плывший по течению реки и почти скрывшийся из виду. – Это плывут лодки работорговцев с оружием и провиантом. Мы пустили их по течению, баас и я. Там на острове спят двадцать два человека, все, за исключением одного. Что они найдут, когда проснутся? Они увидят, что очутились одни на островке среди большой реки, переплыть которую не осмелятся, если бы даже и могли, из боязни аллигаторов. Никакой пищи они не могут найти на острове, не имея ружей; утки ведь не станут дожидаться того, чтобы их схватили голыми руками. У берега будут собираться сотнями аллигаторы, чтобы стеречь их. Мало-помалу они придут от голода в бешенство, станут кричать, но никто не услышит их, тогда они начнут нападать один на другого и, наконец, погибнут все жалким образом, от рук своих же или от челюстей аллигаторов; погибнут, погибнут все! – закончил Оттер и снова засмеялся.

Леонард не мог порицать его: разговор негодяев все еще слышался ему, и он не чувствовал сострадания к ожидавшей их страшной судьбе.

Чу! Слабый звук пронесся по тихим водам реки, звук, скоро перешедший в вопль ужаса и бешенства. Очевидно, работорговцы, проснувшись, заметили, что какой-то таинственный враг был вблизи них, убив одного из их товарищей. Вскоре крики перешли в вой: конечно, они увидели, что лодок нет и они очутились в западне. Леонард и Оттер с противоположного берега реки могли видеть тени испуганных людей, бросавшихся туда и сюда в поисках своих лодок. Но они исчезли и более не вернутся. По мере того, как они двигались вперед, крики становились все менее слышными, и, наконец, полная тишина водворилась во мраке ночи.

Тем временем Леонард рассказал Соа то, что он узнал из разговора работорговцев.

– Далеко ли нам еще ехать, черный человек? – спросила старуха, когда Леонард кончил свой рассказ.

– На закате солнца завтра мы будем у ворот гнезда Желтого дьявола! – отвечал карлик.

Два часа спустя они нагнали лодки работорговцев, пущенные ими по течению. Большинство из них были связаны вместе, они плыли мирной группой.

– Нам лучше пустить их ко дну! – сказал Леонард.

– Нет, баас, – возразил Оттер, – они могут еще понадобиться, если нам удастся благополучно уйти из гнезда Желтого дьявола. Кроме того, может быть, там найдется пища, в которой мы нуждаемся!

Совет был основателен, и Леонард принял его. Взяв лодки на буксир, на заре трое путников пристали к берегу. Обыскав лодки работорговцев, они, к своей величайшей радости, нашли в них большие запасы пищи, не исключая и жареного мяса, спиртных напитков, сухарей, хлеба и нескольких апельсинов и бананов. Только те, кому приходилось в течение нескольких недель обходиться совсем без мучной пищи, могут понять их радость. Они нашли в лодках и другие вещи: ружья, тесаки, боевые припасы и, что всего лучше, ящик с платьем, принадлежавший, очевидно, вожаку, или вожакам, банды. Между прочим, здесь находилось форменное платье, богато расшитое золотыми шнурами, высокие сапоги и шляпа с пером. Затем тут было несколько длинных арабских одеяний и тюрбанов – парадные костюмы работорговцев.

Но самую ценную находкой оказался кожаный кошелек с сотней английских соверенов и 12–15 португальскими золотыми монетами – «честным заработком» предводителя негодяев.

– Ну, баас, – сказал Оттер, – вот мое слово: мы должны переодеться в эти платья!

– Зачем это? – спросил Леонард.

– Чтобы работорговцы приняли нас за своих собратьев.

Ценность этого предложения была настолько очевидна, что оно было немедленно принято. Переодетый в платье работорговца, с пистолетами за шелковым поясом, Леонард смело мог быть принят за одного из самых свирепых охотников за рабами. Оттер, нарядившись в арабский костюм, который пришлось ему обрезать снизу, выглядел тоже внушительно.

Свое собственное платье они спрятали в камышах вместе с лодками на тот случай, если им посчастливится вернуться обратно. Кошелек с деньгами Леонард положил в свой карман. Он не чувствовал никаких угрызений совести, присвоив деньги работорговца, так как хотел употребить их не на свои собственные нужды, а для успеха дела.

Далее дорога шла вдоль болот и состояла из таких троп, которые мог разыскать только человек, часто бывавший в этих местах. Но Оттер не забыл однажды пройденного им пути.

Ввиду необходимости поспеть к ночи к гнезду Желтого дьявола, они двигались вперед, несмотря на палящий зной. Ни одного живого существа не попадалось им навстречу, хотя там и сям вдоль дороги, в кустах, валялись трупы рабов.

Наконец за час до заката солнца они приблизились к жилищу Желтого дьявола. Гнездо было устроено следующим образом. Оно располагалось на острове в 10–12 акров, из которых пригодны для обитания были только акра четыре с половиной. Остальное было болото, заросшее высоким камышом. Болото это, начинаясь от большой лагуны на северной и восточной окраинах острова, примыкало к ряду низких строений, которые на этих фасах считались достаточно защищенными обширным водным пространством.

На южной и западной сторонах вид лагеря был иной: здесь местность была сильно укреплена не только природой, но и рукой человека. Прежде всего, вокруг этих двух фасадов шел канал, не особенно широкий и глубокий, но из-за вязкого дна доступный для переправы только в лодках. На внутреннем берегу этого канала сооружен был вал, по гребню которого шел крепкий забор, обсаженный кустами алоэ и других колючих растений.

Таков был внешний вид этого места. Внутри же он делился на три основные части. Восточная представляла самое гнездо, длинное деревянное строение с большим мощеным двором впереди и к западу от него. Здесь были еще два строения: навес на столбах, примыкавший к тому месту, где выгружались лодки с рабами, и далее к северу, почти составляя продолжение самого гнезда, но отдельно от него, стояла крепкая каменная постройка – магазин. Вокруг описанных строений виднелись соломенные крыши хижин туземного типа, занятых, очевидно, работорговцами низшего слоя – арабами и мулатами.

Вторая часть, расположенная к западу от первой, представляла собою лагерь рабов. Она занимала всего около акра, и единственным зданием в ней были четыре навеса, подобных тому, в котором продавались рабы, но только большей длины. Здесь рядами лежали рабы, прикованные к железным брускам, шедшим вдоль навесов. Этот лагерь был отделен от первой части глубоким каналом, в 30 футов ширины. В одном месте через этот канал был перекинут подъемный мост простого устройства, соединявший лагерь рабов с гнездом. Лагерь рабов, подобно гнезду, был окружен также высоким валом, обсаженным колючими растениями. На этом валу, вблизи ворот лагеря рабов и небольшой, примыкавшей к ним сторожки, стояла шестифунтовая пушка, дуло которой было направлено на лагерь рабов, – грозное предостережение для его обитателей. Вообще, при устройстве гнезда были приняты все предосторожности как против восстания рабов, так и против нападения внешних врагов.

Наконец, третью часть владений Желтого дьявола составлял сад, расположенный за лагерьем рабов. Он также был окружен каналом и земляными валами, но не так сильно укреплен, как первые две части гнезда.

Глава X. Леонард составляет план действий

Дорога, по которой шли Леонард и его спутники, привела их к окраине главного, южного канала, на противоположном берегу которого виднелись ворота, ведущие в гнездо. Но Оттер не повел Леонарда к тому месту, где их могли бы заметить часовые, на вопросы которых они едва ли могли бы ответить удовлетворительно, несмотря на свой маскарадный костюм. Поэтому они, не доходя до ворот ярдов 500, свернули в густой кустарник, покрывавший берег канала. Пройдя через него, они, наконец, очутились у поверхности воды, почти напротив юго-западного угла лагеря рабов, под тенью колючих кустарников вала.

– Слушай, баас, – тихо сказал карлик, – путешествие окончено; я привел тебя к жилищу Желтого дьявола. Остается теперь взять его или освободить оттуда девушку!

Леонард печально посмотрел на гнездо. Возможно ли двум мужчинам и одной женщине взять это укрепленное место, с десятками отъявленных злодеев? Удастся ли даже проникнуть туда? Издали это казалось возможным, а вот теперь принятая им на себя задача представилась в ином свете. Однако нужно было предпринять что-нибудь, иначе их труды пропадут даром, и бедная девушка, освободить которую они пришли, будет отдана на позор или доведена до самоубийства.

– Вот что, Оттер, – произнес, наконец, Леонард. – Я проделал длинный путь и теперь не отступлю назад. Никогда я еще не делал этого; не сделаю и теперь, хотя и знаю, что верная смерть угрожает мне!

– Все в руках будущего, – отвечал Оттер, – однако надвигается ночь, и нам пора подумать, как действовать. Смотри, баас, вот большое дерево, затененное другими деревьями. Влезем на него, чтобы посмотреть на лагерь!

Леонард согласился и, взобравшись легко на вершину дерева, они увидели, как на ладони, весь лагерь. Оттер указывал Леонарду подробности, которые он знал хорошо, прожив некоторое время пленником в лагере.

На дворе гнезда было видно множество людей разных национальностей в странных костюмах; то были торговцы «черной костью». Их было более ста человек, из которых некоторые гуляли группами, курия и разговаривая, другие забавлялись разными играми, наконец, третьи просто шли по своим делам. Одна из групп – вожаки, судя по богатству костюмов – стояла около магазина; эти люди старались заглянуть внутрь здания сквозь защищенное решеткой окно, на уровень которого они поднимались, сядя на плечи друг другу. Это забавляло их некоторое время, пока, наконец, их не разогнал внезапно появившийся какой-то толстый старик.

– Это Желтый дьявол, – сказал Оттер, – а эти люди смотрели на девушку, имя которой Небесная Пастушка. Она заперта там и выйдет оттуда, только когда наступит час ее продажи. Эти люди покупатели!

Леонард не произнес ни слова: он изучал местность. Забил барабан, и появились люди с широкими оловянными мисками, от которых шел пар.

– Это несут пищу для рабов, – снова заметил Оттер. – Сейчас им будут раздавать ее!

Люди, несшие миски, в сопровождении нескольких надсмотрщиков с трехконечными бичами в руках, перейдя двор, подошли ко рву с водой, отделявшему лагерь рабов от гнезда, и крикнули часовому опустить мост. Когда это было сделано, люди, несшие миски и сопровождаемые каждый еще двумя помощниками, из которых один нес деревянную ложку, а третий воду в большом сосуде, начали обходить навесы. Человек, державший деревянную ложку, хватал ею порции и швырял рабам пищу прямо на землю, как кидают кость собаке, а раб, несший сосуд, лил рабам воду в деревянные баки.

Вдруг группа людей, обносивших рабов пищей, остановилась, и надсмотрщики стали о чем-то говорить.

– Раб болен! – пояснил Оттер.

Рослый белый человек с бичом начал наносить удары какой-то черной массе, лежавшей без движения под навесом; наконец, заметив, что его удары не производят на лежавшего раба никакого действия, перестал бить и что-то громко крикнул. После этого два араба направились к сторожке, и, взяв оттуда инструменты, подошли к несчастному созданию, очевидно, женщине, и, сняв с ее ног кандалы, освободили от цепей, которыми она была прикована к железному брусу. Затем они поволокли тело к высокому валу и, взойдя по короткой лестнице на его вершину, сбросили тело в канал.

– Вот как Желтый дьявол хоронит своих мертвых и лечит больных! – произнес Оттер.

– Я достаточно видел, – сказал Леонард и начал поспешно спускаться с дерева. Его примеру последовал Оттер, но с гораздо большим хладнокровием.

– Ах, баас, – сказал карлик, когда они спустились на землю, – ты, однако, малодушен; сердца же тех, которые были в лагере рабов, крепки, да и, в конце концов, лучше быть в желудке рыбы, чем в руках работорговца. Как! Кто делает эти вещи? Разве не белые люди, твои братья, которые, делая все это, произносят много молитв Великому Человеку на небе?

– Дай мне вина! – произнес вместо ответа Леонард, который был не в состоянии сейчас защищать блага цивилизации в том виде, в каком она практиковалась в Африке. Он с ужасом думал, что судьба несчастной рабыни может ожидать и его.

Сделав несколько глотков из бутылки с вином, Леонард некоторое время молча сидел, поглаживая бороду и глядя на сгущавшийся мрак своими соколиными глазами.

– Поди сюда, Соа! – произнес он наконец. – Мы пришли в это место по твоей просьбе. Посоветуй же теперь, что делать дальше. Как освободить твою госпожу из лагеря?

– Освободите рабов, и пусть они убьют своих господ! – лаконично отвечала старуха.

– Я сомневаюсь, что у этих рабов много мужества! – заметил Леонард.

– Здесь, должно быть, около пятидесяти людей Мэвума, – возразила Соа, – они будут драться хорошо, если дать им оружие!

Леонард посмотрел на Оттера, ожидая дальнейшего развития плана.

– Мой Дух говорит мне, – сказал карлик, – что огонь – надежный друг, когда врагов много. Тростник здесь сух, а морской ветер начнет дуть еще до полуночи. Кроме того, можно зажечь и все эти дома. Однако разве у войска могут быть два предводителя? Ты наш предводитель, баас. Говори, и мы исполним твою волю. Здесь один совет так же хорош, как и другой. Пусть судьба говорит твоими устами, баас!

– Очень хорошо, – сказал Леонард. – Вот мой план. Мы должны войти в гнездо, пока еще довольно темно. Я знаю пароль – «Дьявол», и, может быть, часовой пропустит нас без дальнейших расспросов, увидев наши костюмы. Если же он задержит нас, то мы должны будем убить его, соблюдая полную тишину!

– Хорошо, – ответил Оттер, – но как быть с этой женщиной?

– Мы оставим ее в кустах. В лагерь же она может только помешать нам!

– Нет, белый человек, – прервала его Соа, – я пойду с вами. Моя госпожа там, и я хочу видеть ее!

– Как хочешь! – отвечал Леонард и затем продолжал развивать свой план: – Проникнув в ворота, мы должны идти по краю канала, отделяющего гнездо от лагеря рабов. Если мост будет поднят и мы не сможем опустить его, тогда нам остается переплыть канал, обезвредить часового и проникнуть в лагерь рабов, где мы попытаемся некоторых освободить и пошлем их через сад в тростник, чтобы поджечь его. Тем временем я смело войду в гнездо, поздороваюсь с Перейрой, выдав себя за работорговца, прибывшего с товаром к устью реки; скажу, что хочу купить рабов и прежде всего попрошу белую девушку. К счастью, у нас есть порядочно золота.

Вот мой план пока; остальное надо предоставить случаю. Если удастся мне купить девушку, – хорошо, если же нет, то я постараюсь вырвать ее оттуда каким-либо иным способом!

– Пусть будет так, баас, – сказал Оттер, – а теперь нам надо поужинать: ведь ночью нам понадобится вся наша сила. После этого мы пойдем к воротам и попытаем счастья!

В девять часов они, осторожно крадась по кустам, вышли снова на дорогу и берегом канала пошли к воротам. Дойдя до того места, где привязывались лодки и барки, они остановились. Из гнезда до них доносился шум пирушки, а из лагеря рабов – стоны несчастных пленников. Мало-помалу небо несколько прояснилось.

– Тут есть лодка, – сказал Леонард. – Нам лучше немного проехать в ней; она может облегчить нам возвращение из гнезда.

Едва он успел произнести эти слова, как послышался шум весел, и мимо них проехала лодка, направляясь к воротам.

– Кто идет? – раздался окрик часового на португальском языке. – Отвечай живей, или я буду стрелять!

– Не спеши так, глупец, – отвечал часовому грубый голос. – Самый лучший из друзей, честный купец, по имени Ксавье, едущий со своей плантации рассказать вам о хороших новостях!

– Виноват, сеньор, – отвечал часовой, – в этой темноте не рассмотришь даже и такого рослого человека, как вы. Но какие же у вас новости? Есть покупатели?

– Сойди вниз и помоги нам привязать эту проклятую лодку; потом я расскажу тебе все!

Часовой быстро сбежал по ступенькам лестницы, ведущей от ворот к пристани. Человек, назвавший себя Ксавье, продолжал:

– Да, покупатели есть, но не думаю, что они придут в эту ночь из-за ветра, а завтра ты увидишь, как будут выгружать черных птиц. Один, впрочем, прибыл из Мадагаскара, капитан-иностранец, здоровый француз или англичанин, точно не знаю, по имени Пьер. Я послал ему свой привет, хотя самого его и не видел. В своей записке я извещал его, что сегодня ночью будет очень интересный аукцион, что было весьма великодушно с моей стороны, так как этот капитан может быть очень серьезным соперником!

– Он приедет сюда, сеньор? Я спрашиваю об этом потому, что тогда надо пропустить его!

– Не знаю; ответил, что приедет, если будет возможность. Но скажи, как идут дела с английской девушкой? Сегодня ночью она будет продана?

– О, да, сеньор, в двенадцать часов будет большое собрание. Как только она будет куплена, патер Франциско повенчает ее со счастливым человеком. Старик настаивает на этом. Он сделался суеверным и говорит, что выдаст ее замуж самым настоящим образом!

Ксавье громко засмеялся.

– Я приехал за этой девушкой, – произнес он, – думаю, что мне удастся купить ее за сто унций золота.

– Сто унций золота за девушку! Это большая сумма, сеньор, но вы богаты, не то что мы, бедняки, подвергающиеся такому же риску, но получающие мало барышей.

Гребцы между тем привязали лодку к пристани и вынули из нее багаж; что было в нем – Леонард не мог разглядеть. Ксавье вместе с часовым поднялся по лестнице, сопровождаемый двумя лодочниками, и ворота сейчас же снова были закрыты, как только эти люди прошли в них.

– Хорошо, – прошептал Леонард, – мы кое-что узнали, по крайней мере. Ну, Оттер, я – Пьер, французский работороговец из Мадагаскара, а ты – мой слуга; что касается Соа, то она гид или переводчик, или все, что хочешь. Мы пройдем в ворота, но настоящий Пьер не должен проникнуть через них. Поэтому надо устранить часового, который бы впустил его. Как ты думаешь, Оттер, кто это сделает лучше, ты или я?

– Мне пришло в голову, баас, что мы можем последовать примеру этого Ксавье. Я могу что-нибудь оставить в лодке, и часовой должен помочь мне взять это оттуда, пока ты уже будешь в воротах, а затем... я ловок, силен и не люблю шума!

– Ты должен действовать ловко, точно и без шума. Малейший крик – и все пропало!

Подкравшись к лодке и отвязав ее от пристани, все трое сели в нее и спустились тихо по течению ярдов на пятьдесят от пристани. Затем они повернули лодку назад, и игра началась.

– Что это, дурак, куда ты идешь? – громко сказал Леонард Оттеру на ломаном арабском языке, слывшем за туземное наречие в этих местах. – Поезжай к берегу, тебе я говорю, к берегу! Проклятый ветер и эта тьма! Стой теперь, безобразная черная собака! Должно быть, это те ворота, о которых говорилось в письме, так или нет, женщина? Зацепи за пристань багром!

Окно в воротах открылось, и раздался обычный окрик часового.

– Друг, друг, – отвечал Леонард по-португальски, – иностранец, приехавший засвидетельствовать свое почтение вашему предводителю, дону Антонио Перейра, и поговорить с ним о деле!

– Как ваше имя? – подозрительно спросил часовой.

– Пьер мое имя; собака – имя моего слуги, а эту старуху можете называть, как хотите!

– Какой пароль? Никто не входит сюда, не сказав пароль! – заявил часовой.

– Пароль? Ах, что стояло в письме дона Ксавье – «враг»? Нет; да, вспомнил – «Дьявол». Я из Мадагаскара, где есть еще спрос на то добро, которым вы богаты. Ну, впустите нас, мы не можем сидеть здесь всю ночь и пропустить аукцион!

Часовой начал отпирать ворота, но внезапно остановился, все еще что-то подозревая.

– Вы не похожи на наших и говорите по-португальски, как проклятый англичанин!

– Да, на это я не могу надеяться; ведь я сам проклятый англичанин, т. е., собственно, сын англичанина и креолки, родившийся на острове Маврикий. Кстати, попрошу вас быть поучтивее, а то я очень горячий человек!

Наконец, часовой, ворча, открыл одну половину ворот, и Леонард стал подниматься по ступенькам лестницы, ведущей от пристани к воротам. Пройдя через ворота, он внезапно обернулся и ударил по лицу сопровождавшего его Оттера.

– Как, собака! – сердито крикнул он. – Ты забыл вынести бочонок с коньяком, мой маленький подарок дону Антонио! Ступай и вынеси его живей!

– Виноват, господин, – отвечал Оттер, – но я мал, и бочонок тяжел для меня одного. Не удостоишь ли ты помочь мне, так как старуха тоже слабосильна?

– Ты, кажется, принимаешь меня за носильщика, предлагая мне тащить по лестнице бочонок?! Вот что, дружище, – продолжал Леонард, обращаясь к часовому, – если вы хотите заслужить маленький подарок и выпить, то помогите ему втащить бочонок. У него есть кран, и вы можете после попробовать его содержимое!

– Слушаюсь, сеньор! – уже весело отвечал часовой и стал спускаться по лестнице к пристани.

Леонард и карлик переглянулись. Затем Оттер пошел вслед за часовым, держа руку на эфесе арабской сабли, а Леонард и Соа остались наверху, томительно ожидая, что произойдет дальше.

– Где же бочонок? Я не вижу его! – донесся до них голос часового.

– Наклонись, сеньор, наклонись, – отвечал Оттер, – он на корме. Позволь, я помогу тебе!

После этого наступила минутная пауза, затем Леонард и Соа услышали звук удара и шум от падения чего-то тяжелого в воду. Затем все смолкло. Через несколько секунд Оттер был возле них, и при слабом свете фонаря у ворот Леонард мог разглядеть только его блестящие глаза и раздувавшиеся ноздри.

– Удар был быстрый и сильный; человек тот замолк навеки, – прошептал карлик, – как баас приказывал, так и было сделано!

Глава XI. Храбрость Оттера

– Помоги мне запереть ворота! – сказал Леонард карлику.

В следующую минуту большой железный засов был задвинут на свое место, и Леонард, повернув ключ, положил его в карман.

– Зачем баас запер ворота? – прошептал Оттер.

– Чтобы настоящий Пьер не мог пройти через них. Второй Пьер был бы лишним в нашей игре. Теперь мы должны добиться того, чего хотели, или погибнуть!

Крадучись, они пошли вдоль вала, пока не достигли навеса, обращенного задней стороной ко рву, отделявшему гнездо от лагеря рабов. К счастью, здесь их не заметил никто, а собак в жилище Желтого дьявола совсем не было: они шумят в самое неудобное время, поэтому похитители рабов и не любят этих животных.

Конец навеса, за которым они притаились, был шагах в десяти от подъемного моста, представлявшего единственный способ сообщения с лагерем рабов.

– Баас, – сказал Оттер, – позволь мне пройти вперед. Мои глаза видят в темноте, как глаза кошки. Я посмотрю, может быть, мост опущен?

Не дожидаясь ответа, карлик пополз вперед на руках, не производя ни малейшего шума. Несмотря на свое белое платье, он не мог быть увиден издали, скрытый густой тенью от навеса и кустов вдоль канала.

После ухода Оттера прошло пять минут, и десять минут, а он все еще не возвращался. Тогда Леонард начал беспокоиться, не случилось ли с ним чего.

– Пойдем, посмотрим, в чем дело! – шепнул он Соа.

Выйдя к другому концу навеса, в ярде от него они увидели лежавшие на земле одежду и оружие Оттера, но самого карлика не было видно.

– Черный человек покинул нас! – в отчаянии произнесла Соа.

– Никогда! – отвечал Леонард, недоумевая, зачем понадобилось Оттеру снимать одежду. Очевидно, он пошел в воду. Но для чего ему надо было делать это?

Леонард посмотрел на канал. Он разглядел, что на противоположном берегу его поднимался от воды ряд ступеней, наверху были ворота, а на нижней ступени сидел человек, державший возле себя ружье. Ноги его были всего на расстоянии нескольких дюймов от поверхности воды. Очевидно, это был часовой.

В следующее мгновение Леонард заметил, что под ногами часового появилась рябь на воде, сверкнуло что-то вроде стали, и какой-то маленький черный предмет направился к ногам часового, который, полусонный, мурлыкал что-то себе под нос. Еще мгновение – и часовой словно по волшебству исчез со ступенек в глубине воды, поверхность которой пришла в сильное волнение на минуту или более.

Появилась рябь на воде, сверкнуло что-то вроде стали, и какой-то маленький черный предмет направился к ногам часового

Видя все это, Леонард догадался о том, что случилось. Оттер, подплыв под водою к часовому, схватил того за ноги и увлек за собой в глубину. Вскоре Леонард заметил, что карлик поднялся на ступени с ножом в руке и, пройдя через ворота, исчез в сторожке на верху вала. Прошла еще минута, послышался скрип канатов, и подъемный мост опустился, открыв трем смельчакам доступ в лагерь рабов. Черная тень появилась снова, на этот раз на мосту.

– Идем! – прошептал Леонард своей спутнице. – Этот герой Оттер утопил часового и опустил мост. Да! Возьми-ка его оружие и платье!

В этот момент к ним подошел сам Оттер.

– Скорее переходи, баас, пока они не заметили, что мост спущен, – произнес карлик, – дай мне мое платье и оружие!

– Вот они! – отвечал Леонард, и в следующую минуту все трое, перейдя мост, стояли на валу.

– Скорей в сторожку, баас, в ней никого нет; там находится ворот!

Войдя в сторожку, Оттер схватил рукоять ворота и начал ее вертеть, напрягая могучие мускулы, и мост был снова поднят.

– Теперь мы в безопасности на некоторое время, баас, – произнес карлик, – однако мне надо одеться. Извини меня, баас, что я, такой безобразный, появился перед тобой без одежды!

– Оттер, – сказал Леонард, – ты сделал великое дело, но это еще не все. Теперь надо идти к рабам. Посвети мне и покажи дорогу. Здесь мы ведь в безопасности, не правда ли?

– Да, баас, сюда никто не может попасть, разве только после штурма, но там есть большое ружье, которое можно поворачивать. Направим его на гнездо на всякий случай.

– Я не имею никакого понятия о пушках! – сказал с сожалением Леонард.

– Зато я знаю кое-что, белый человек, – вмешалась Соа, – у Мэвума, моего господина, есть в поселении маленькая пушка, и я часто помогала ему стрелять из нее, подавая сигнал лодкам на реке; многие из людей Мэвума, находящиеся здесь, также знают толк в этом деле!

– Отлично! – сказал Леонард.

По тропинке, шедшей вдоль гребня вала, они подошли к платформе, на которой стояла пушка. Это было шестифунтовое заряжающееся с дула орудие. Леонард, взяв банник, всунул его в дуло орудия.

– Заряжено, – произнес он, – повернем его кругом!

Когда это было сделано, они направились к маленькой хижине, стоявшей вблизи. Тут были спрятаны, на случай восстания рабов, боевые припасы – картечь и порох.

– Зарядов достаточно, – заметил Леонард, – этим господам не приходило в голову, что пушки могут стрелять во все стороны. Ну, Оттер, веди нас скорее к рабам!

– Надо сначала захватить инструменты, – отмычки для оков. Они, вероятно, в сторожке! – проговорил карлик.

Взяв необходимые инструменты и фонарь, они подошли к первому навесу с рабами. Посреди него шла дорожка, по обеим сторонам которой тянулись железные брусья с прикованными к ним рабами. Под этим навесом было около двухсот пятидесяти человек.

Несчастные пленники лежали на мокрой земле, мужчины и женщины вместе, стараясь забыться во сне; впрочем, большая часть их бодрствовала, стоны неслись отовсюду.

Завидев свет, рабы перестали стонать и, как собаки, заползали по земле, ожидая ударов. Они думали, что пришли их поработители. Некоторые из несчастных, подняв вверх свои закованные руки, умоляли о пощаде, но большинство, не имея никакой надежды на улучшение своей участи, хранили глубокое молчание. Нельзя было без сострадания смотреть на их искаженные ужасом лица и дрожавшие фигуры.

Соа обошла первый ряд рабов, внимательно всматриваясь в их лица.

– Ты не видишь никого из людей Мэвума? – с беспокойством спросил ее Леонард.

– В этих рядах их нет, белый человек; освободим этих и посмотрим следующий навес!

– Не надо делать этого, мать, – сказал Оттер, – эти только выдадут нас!

Тогда они прошли к следующему навесу – их было всего четыре, – и здесь Соа остановилась возле второго человека с краю, который спал, положив свою голову на скованные руки.

– Питер! Питер! – окликнула его Соа.

Раб проснулся и дико огляделся кругом. Это был красивый молодец лет тридцати.

– Кто зовет меня моим старым именем? – спросил он хриплым голосом. – Нет, я грежу; Питер умер!

– Питер, – сказала снова женщина, – проснись, сын Мэвума, это я, Соа, пришедшая спасти вас!

Раб громко вскрикнул и стал трястись всем телом, но остальные пленники не обратили на это внимания, думая, что его наказывают плетью.

– Тише, – сказала Соа, – или мы погибли. Освободи его, черный человек, это старшина из поселения и храбрый человек!

Оковы были сняты с Питера, и он, подпрыгнув высоко от радости, бросился к ногам Оттера, чтобы поцеловать их.

– Перестань, глупец, – сурово сказал карлик, – лучше покажи нам других людей Мэвума, да живее, а то скоро опять будешь на цепи!

– Здесь их около сорока человек, – сказал Питер, оправившийся от волнения, – кроме того, несколько женщин и детей. Остальные умерли, кроме госпожи, которая находится там! – показал он рукой на гнездо.

Пройдя вдоль навеса, Оттер, по указанию Сои, освобождал от цепей людей Мэвума. Пока карлик снимал с них железные наручники, Соа объяснила план действий Леонарда Питеру, к счастью, весьма толковому малому. Он быстро понял положение дел и помог Леонарду сохранить тишину и порядок.

– Ну, – обратился Леонард к Сое, – теперь пора действовать. Я должен уйти. Вы можете освободить остальных людей Мэвума. Теперь половина двенадцатого, и мне нельзя терять ни одной минуты. Оттер, скажи, как послать людей зажигать тростник, – через сад?

– Нет, баас, я думаю, их лучше послать той же дорогой, по которой я убежал отсюда. Но для этого надо уметь плавать!

– Они все родились на берегах реки и умеют плавать! – сказала Соа.

– В таком случае четверо из них должны плыть по каналу к тому месту, где я убил часового. Может быть, путь их будет прегражден деревянными сваями, они гнилые, но если они крепки, то люди должны перелезть через них. После этого они очутятся в болоте, покрытом густым тростником. Дойдя до того места, где солнце восходит и откуда сильнее всего дует ветер, они должны поджечь тростник. Сделав это, они могут уйти за огонь и ждать, что будет. Если нас постигнет удача, они найдут нас здесь, если же мы будем убиты, то они могут убежать. Но захотят ли идти эти люди?

Соа, шагнув вперед, вызвала четверых человек, к которым обратилась со следующими словами:

– Вы слышали слова этого черного человека? Повинуйтесь ему, и если кто-нибудь из вас не послушается его, то... – И Соа произнесла такое ужасное проклятие, что Леонард с удивлением посмотрел на нее.

– Да! И если я останусь жив, то перерву тому глотку! – прибавил Оттер.

– Не к чему угрожать, – отвечал один из выбранных Соа людей, – мы сделаем все это ради нас самих, а также вас и нашей госпожи. Мы поняли, что надо делать; но чтобы зажечь тростник, нужен огонь!

– Вот спички, – сказал Оттер.

– Но мокрые спички не загорятся, ведь мы будем плыть.

– Глупец, разве вы поплывете, держа голову под водой? Привяжите их к волосам!

– Хорошо, – продолжал тот же поселенец, – если нам удастся живыми добраться до тростников, то когда их надо зажечь?

– Как только дойдете до конца их, а это ведь нелегко. Прощайте, мои дети. Если вы посмеете не исполнить то, что вам поручено, то лучше вам умереть прежде, чем снова увидеть мое лицо!

Через две минуты четыре человека тихо плыли по каналу.

– Опустит мост, – произнес Леонард, – пора отправляться!

Оттер опустил мост, объяснив его несложный механизм Соа, Питеру и прочим людям Мэвума.

– Ну, матушка, – обратился Леонард к Соа, – освободи остальных людей, кого можно, и зорко смотри, чтобы вовремя опустить мост, как только мы или твоя госпожа приблизимся к нему. Если мы на заре не вернемся сюда, значит, – мы или убиты, или в плену, и тогда действуй сама!

– Слышу, господин, – отвечала Соа, – ты храбрый человек, и удача встретит тебя или неудача, но красный камень уже заслужен тобой!

Еще минута, и Леонард с Оттером ушли.

Перейдя через мост, который опять был поднят за ними, они вернулись назад к тому же месту, откуда наблюдали за лагерем раньше, под тень навеса. Затем, пробежав несколько шагов по открытому пространству, они очутились около ворот, откуда, не торопясь, направились к навесу, где и производилась продажа рабов. Под навесом не было никого, но они увидели перед верандой самого гнезда большое и шумное сборище людей.

– Слушай, Оттер, – прошептал Леонард, – мы должны идти к этим господам. Зорко следи за мною, делай то, что буду делать я; держи наготове свое оружие, и если дело дойдет до борьбы, то убей меня, как врага. Пуще всего нам не надо попадаться в плен!

Леонард говорил спокойно, но сердце у него сильно билось. Вблизи от них было сборище всякого сброда: португальцев, арабов, мулатов и черных людей различных племен, каких Леонард никогда еще не видывал при всей своей опытности. Порок и корыстолюбие были написаны на лице у каждого. Это было сборище демонов, притом самых ужасных. Негодяи, большинство которых были уже пьяны, стояли спиной к ним, смотря на веранду, на ступенях которой стоял окруженный группой избранных друзей, одетых в роскошные костюмы, человек, в котором Леонард угадал с первого взгляда дону Перейру, даже если бы Оттер не шепнул ему:

– Смотри, баас, это Желтый дьявол!

Эта замечательная личность, стоявшая здесь во всем своем великолепии, заслуживает более подробного описания. Это был толстый старик лет семидесяти, убеленный почтенными сединами. Его маленькие черные глаза, острые, яркие, но холодные, метались по сторонам, избегая взоров других людей. Желтый цвет лица Перейры оправдывал данное ему прозвище. На его морщинистых щеках кожа отвисла; рот был широк и груб, а жирные пальцы беспрестанно сжимались, как будто хватая деньги. Он был роскошно одет и, подобно своим товарищам, почти пьян.

Таков был внешний вид Перейры, главы работорговцев этой части африканского берега. Не видя его лица, на котором лежал отпечаток всевозможных гнусных пороков, честный человек не мог бы поверить, в какие бездны зла может пасть человек. Недаром про Перейру говорили, что увидеть его – значит, понять дьявола и его дела.

Глава XII. Аукцион...

В тот момент, когда Леонард и Оттер подходили к группе негодяев, Желтый дьявол собирався произнести спич, и глаза всех работорговцев были обращены на него, так что никто не слышал шагов вновь прибывших людей.

– Дайте, пожалуйста, дорогу, друзья мои, – сказал громко Леонард на португальском языке. – Я хочу поздороваться с вашим начальником!

Десятки людей повернулись к ним.

– Кто вы такой? – вскричали они, глядя на чужие лица.

– Если вы будете любезны дать мне дорогу, то я буду весьма счастлив объяснить это! – отвечал Леонард, пробираясь через толпу.

– Кто это там? – закричал Перейра грубым, жестким голосом. – Подать его сюда!

– Пропустите нас, вы слышали слова дона, пропустите, друзья! – говорил Леонард.

Толпа расступилась, и Леонард с Оттером прошли вперед, провожаемые подозрительными взглядами.

– Привет вам, сеньор! – сказал Леонард, очутившись перед верандой.

– К черту ваш привет! Кто вы такой, во имя сатаны? – грубо ответил Перейра на обращенное к нему приветствие.

– Ваш скромный собрат по почтенной профессии, – сказал спокойно Леонард, – пришел засвидетельствовать свое почтение и устроить маленькое дельце!

Так ли это? Вы что-то похожи на англичанина; а кто этот урод? – И он показал на Оттера. – Я полагаю, что вы шпионы, и если это так, то, клянусь всеми святыми, я еще расправлюсь с вами!

– Вот забавная история, – отвечал, смеясь, Леонард, – вообразить, что один человек и черная собака отважились проникнуть в главную квартиру господ, подобных вам, не будучи вашими братьями! Впрочем, я думаю, среди вас находится благородный дон, я разумею сеньора Ксавье, который может поручиться за меня. Разве он не посылал записки капитану Пьеру, прибывшему из Мадагаскара? Ну вот, капитан Пьер имел честь принять это предложение и прибыл сюда не без затруднений, но теперь он начинает думать, что лучше бы ему остаться на своем судне!

– Это правда, Перейра, – сказал Ксавье, громадного роста португалец с примесью негритянской крови и зверским лицом, тот самый человек, следом за которым Леонард с Оттером и Соа прошли в ворота. – Я говорил вам об этом!

– Лучше бы вы оставили его в покое, – прорычал в ответ Перейра. – Мне не нравится вид вашего приятеля. Может быть, он капитан английского военного судна, переодетый в наше платье!

При словах «английское военное судно» шепот ужаса пронесся по собранию. Негодяи знали хорошо эти проклятые суда и их ненавистные команды, которые не любят профессии работорговцев.

Дело принимало серьезный оборот, и Леонард увидел, что надо действовать решительно. Как бы потеряв терпение, он закричал грубо:

– Черт вас побери всех с вашими подозрениями! Говорю вам, что мое судно с товаром стоит в гавани. Я полу-англичанин, полу-креол и такой же хороший человек, как каждый из вас. Смотрите, дон Перейра, если вы или кто-нибудь из ваших товарищей осмелится сомневаться в правдивости моих слов, пусть выступит вперед, и я живо перерву ему глотку! – И, произнеся эти слова, Леонард, грозно нахмурившись, сделал шаг вперед, положив свою руку на эфес сабли.

Такие слова моментально произвели свое действие. Перейра немного побледнел, так как, подобно большинству жестоких людей, он был страшным трусом.

– Успокойтесь, – произнес он, – я вижу, что вы добрый малый. Я хотел только испытать вас. Как вы знаете, мы должны соблюдать большую осторожность. Дайте вашу руку, и добро пожаловать! Я вам верю, а старый Антонио ничего не делает наполовину!

– Быть может, вам лучше еще испытать его немного, – проговорил молодой человек, стоявший рядом с Перейрой, когда Леонард хотел принять приглашение Желтого дьявола, – пошлите за рабом, и пусть он даст нам наше обычное доказательство, т. е. собственноручно зарежет его; это самое лучшее!

Перейра замялся было, но Леонард снова нашелся.

– Молодой человек, – вскричал он с большей яростью, чем прежде, – я перерезал горло большему числу людей, чем те, которых вы хлестали бичами. Но если вы хотите доказательства, то я вам могу его дать. Идите сюда, молодой петушок, идите! Здесь достаточно светло, чтобы пощипать у вас перья!

Работорговец побледнел от бешенства, но, видя атлетическую фигуру и смелые глаза Леонарда, остановился в нерешительности, рассыпавшись в угрозах и грязных ругательствах.

Трудно сказать, чем могла бы окончиться вся эта сцена, но Перейра поспешил прекратить ссору.

– Тише! – загремел он своим могучим голосом, встряхнув в бешенстве седыми волосами. – Я принял этого человека, и он будет нашим гостем. Неужели моих слов недостаточно для такого молодого горлопана, как ты? Заткни свой безобразный рот, или, клянусь святыми, я закую тебя в цепи!

Работорговец повиновался. Быть может, он сам был рад удобному случаю избежать борьбы с Леонардом. Как бы то ни баю, но, бросив на последнего злобный взгляд, он, замолчав, отступил назад.

Восстановив тишину, Перейра подозвал Леонарда, пожал ему руку и приказал рабу принести вина для нового гостя. Затем он обратился к собранию со следующей речью:

– Дети мои, мои дорогие товарищи, мои верные, испытанные друзья! Наступил печальный для меня момент, когда я, ваш старый предводитель, должен проститься с вами. Завтра гнездо не увидит более Желтого дьявола, и вы должны найти себе другого главу. Увы! Я постарел, не могу больше стоять на высоте своей задачи, а торговля теперь не та, что была прежде, благодаря этим проклятым англичанам и их крейсерам, шныряющим повсюду в наших водах, чтобы отнимать у честных людей плоды их дел. Около пятидесяти лет я был связан с делом. Думаю, что туземцы этих мест вспомнят обо мне не с гневом, о нет, но как их благодетеля. Ведь разве около двадцати тысяч их молодежи не прошло через мои руки, не было избавлено мною от проклятия варварства и не было послано изучать блага цивилизации и мирные искусства в домах добрых и снисходительных господ? Иногда, не часто, но по временам, в наших маленьких экспедициях проливалась кровь. Я сожалею об этом, но что поделаешь? Этот народ так упрям, что не может понять, как хорошо для него покориться моей власти. Когда нам мешали в нашем добром деле, приходилось сражаться. Мы все хорошо знаем горечь неблагодарности, но должны переносить ее. Таково испытание, посылаемое нам Небом, и вы, мои дети, должны всегда помнить об этом!

Итак, я удаляюсь теперь с теми скромными сбережениями, какие мне удалось собрать за свою трудовую жизнь. Удаляюсь, чтобы провести закат своих дней в мире и молитвах. Но мне надо устроить еще одно маленькое дельце. Во время нашего последнего путешествия на наше счастье к нам в руки попала дочь проклятого англичанина. Я привез ее сюда и, в качестве ее покровителя, просил вас собраться сюда, чтобы выбрать среди вас ей супруга, как велит сделать мне мой долг. Я не могу взять ее с собой, так как вблизи Мозамбика, куда я переселюсь,

ее присутствие у меня могло бы подать повод к неприятным вопросам. Вот почему я и решил великодушно передать ее другому.

Но кому отдать эту драгоценность, эту жемчужину, эту прелестную, милую девушку? Находясь среди столь ужасных господ, как вы, разве я могу поставить одного выше другого и объявить его более достойным девушки? Я не могу сделать этого и должен предоставить все случаю: я знаю, что Небо выберет лучше меня. Поэтому тот, кто сделает мне самый щедрый подарок, получит эту девушку, чтобы она услаждала его своей любовью. Сделает подарок, – заметьте, а не заплатит цену!

Быть может, будет лучше всего установить, что размер подарка будет определен обычным путем, посредством состязания в унциях золота, если вам угодно.

Еще одно условие, мои друзья. В этом деле все должно быть сделано, как следует: церковь должна произнести свое слово, и тот, кого я выберу, будет обвенчан с девушкой, здесь, в нашем присутствии. Разве у нас нет под рукою священника, и неужели мы на найдем для него занятия?

Теперь, дети мои, пора приступить к делу. Эй, вы, приведите английскую девушку!

Речь Перейры прерывалась возгласами самого иронического свойства, а объявление о предстоявшей церемонии бракосочетания было встречено взрывом грубого смеха.

После этого шум прекратился, и все стали ждать появления Хуанны.

Через несколько минут показалась фигура, одетая в белое. Ее сопровождало несколько человек.

Легкими, быстрыми шагами женщина прошла по открытому пространству, освещенному лунным светом, смотря прямо перед собою, пока, наконец, не подошла к веранде, где и остановилась. Здесь в первый раз Леонард увидел Хуанну Родд. Она была высокого роста, чрезвычайно стройная, темные волосы завязаны узлом на затылке ее прекрасной головы. У нее были замечательно тонкие черты и прекрасный цвет красивого округлого лица, но замечательнее всего были глаза, цвет которых менялся от серого до голубого оттенка, в зависимости от падавшего на них света. Леонард увидел, что они были велики, прекрасны, бесстрашны, но вместе с тем нежны. Одетая она была в роскошное арабское платье, а на ногах – сандалии.

Остановившись перед верандой, Хуанна заговорила чистым, приятным голосом:

– Что вам еще нужно от меня, дон Антонио Перейра?

– Голубка моя, – отвечал негодяй грубым и насмешливым тоном, – не огорчайтесь вашей неволей. Я обещал вам найти супруга, и вот все эти любезные господа собрались здесь для того, чтобы я мог сделать между ними выбор. Теперь ваш брачный час настал, моя голубка!

– В последний раз прошу вас, – заговорила снова девушка. – Я беззащитна и никому из вас не сделала зла. Позвольте мне уйти, умоляю вас!

– Позвольте уйти! Как? Кто же может тронуть вас, моя голубка? – отвечал старый сатир. – Я ведь сказал, что хочу отдать вас супругу!

– Я никогда не пойду к избранному вами супругу, дон Антонио, – сказала Хуанна серьезным, твердым голосом. – Будьте уверены в этом, вы все! Я не боюсь вас, зная, что Бог поможет мне, а теперь, обратившись к вам в последний раз с просьбой, я в последний раз предостерегаю вас, дон Антонио, и ваших злодеев-товарищей также. Прекратите ваши беззакония, не то вас ждет Божий суд. Смерть с небес висит над вашей головой, убийца, а после смерти – мщение!

Так она говорила, не громко, но с таким убеждением, с такой твердостью и достоинством, что сердца самых отчаянных негодяев тревожно забились. В конце своей речи Хуанна впервые взглянула на Леонарда, и глаза их встретились. Он наклонился вперед, слушая ее, и в своей скорби и тоске забыл удержать на своем лице то беспечное выражение, которое ему следовало хранить по разыгрываемой им роли. В этот миг у Леонарда было лицо английского Джейнтльмена, благородное и открытое, хотя немного и суровое.

Во взгляде Леонарда, обращенном на Хуанну, было что-то, заставившее ее задержать свои глаза на молодом человеке. Мягко посмотрела на него девушка, как бы желая заглянуть в

его душу, и Леонард вложил в свой ответный взгляд всю свою волю, все свое горячее сердечное желание показать ей, что она может считать его своим другом.

Они до сих пор никогда не встречались. Она даже не подозревала о его существовании, а в наружности Леонарда, одетого в костюм работоторговца, было, по-видимому, мало отличия от окружающих его негодяев. Однако ее утонченные отчаянием чувства прочли то, что было написано в его глазах, и прочли правильно. С этого момента Хуанна знала, что она не одна среди этих волков, что есть, по крайней мере, один человек, который спасет ее, если это будет возможно.

Еще раз она взглянула в его лицо, не опасаясь возбудить подозрения окружающих, которые были удручены ее страшным предсказанием.

Больше всех был смущен тот, к кому она обращала свою речь.

Суеверный ужас овладел Перейрой. Задрожав от страха, он бессильно откинулся на спинку своего кресла, с которого поднялся перед своей речью, прекрасного кресла черного дерева с инкрустацией из слоновой кости.

Сцена была такова, что Леонард никогда не мог забыть ее. Лунный диск ярко сиял на небе, и облитая лунным светом, среди массы злых лиц, одиноко стояла прекрасная девушка, гордая, презиравшая своих врагов, даже будучи в их руках.

На несколько минут после слов Хуанны водворилось глубокое молчание, настолько полное, что Леонард мог слышать мяуканье котенка, спустившегося по ступенькам веранды и приближавшегося к ногам Хуанны. Молодая девушка, наклонившись, взяла на руки маленькое создание и прижала его к своей груди.

– Отпустите ее! – раздался наконец голос из толпы. – Она колдунья и принесет нам несчастье!

Эти слова, казалось, пробудили Перейру от оцепенения. С отвратительным проклятием он вскочил со своего кресла и, спустившись со ступенек веранды, подошел к своей жертве.

– Черт вас возьми, проклятая шлюха! – закричал он. – Вы думаете напугать меня вашими угрозами. Пусть Бог окажет вам помощь, если может. Желтый дьявол здесь сам бог. Вы так же в моей власти, как это животное. – И, выхватив из рук Хуанны котенка, он бросил его на землю. – Видите, Бог не помогает котенку, не поможет и вам. Ну, пусть все взглянут на то, что хотят купить!

С этими словами Перейра, схватив на груди Хуанны белое платье, разорвал его.

Поддерживая одной рукой разорванное платье, молодая девушка начала другой искать что-то в своих волосах. Ужас охватил Леонарда при виде этого. Он знал тайну о яде. Неужели сейчас она прибегнет к нему?

Глаза их снова встретились, и во взгляде Леонарда было предостережение. Хуанна распустила темные волосы, которые рассыпались вокруг ее плеч, прикрывая до пояса разорванное платье, но более ничего не сделала. Однако Леонард заметил, что правая ее рука была сжата: в ней-то и была скрыта смерть.

Указав на свое разорванное платье, молодая девушка еще раз обратилась к Перейре, проговорив:

– В ваш последний час вы вспомните об этом.

В это время к ней подошли рабы, чтобы исполнить волю своего господина, но все собравшиеся закричали:

– Оставьте ее. Мы видим, что девушка прекрасна!

Тогда рабы отступили, а Перейра не произнес ни слова.

Возвратившись на веранду, он стал у своего кресла и, взяв в руку пустой стакан вместо молотка аукциониста, заговорил снова:

– Сеньоры, я хочу предложить вам прекрасный выигрыш, по своей ценности превосходящий все, что имеется в продаже. Выигрыш этот – белая девушка англо-португальской крови.

Она очень хорошо воспитана и набожна; что же касается ее послушания, то об этом я не могу ничего сказать. Дело ее будущего супруга научить ее этому. О красоте ее мне нет нужды распространяться; вы сами можете судить об этом. Взгляните на эту фигуру, волосы, глаза. Видели ли вы что-нибудь подобное? Выигрыш этот достанется тому из вас, кто сделает мне самый щедрый подарок. Да, в тот же момент он может взять ее вместе с моим благословением. Но я ставлю такие условия: тот, кого я одобряю, должен быть законным образом обвенчан с ней патером Франциско, – и, повернувшись, он указал на человека с несколько меланхолическим взглядом, стоявшего вблизи и одетого в разорванную местами рясу священника.

– Этим я исполню свой долг по отношению к этой девушке, – продолжал Перейра. – Еще одно слово, сеньоры: мы не будем тратить время на пустяки и начнем состязание прямо с унций!

– Серебра? – спросил какой-то голос.

– Серебра! – Нет, конечно. Глупец, разве здесь идет речь о продаже негритянки? Золота, братец, золота! Тридцать унций золота и притом уплата сейчас же!

В толпе послышались разочарованные голоса, и несколько негодяев воскликнули:

– Тридцать унций золота! Что же делать нам, беднякам?

– Что вам делать? Работать усерднее и сделаться богатыми, конечно, – отвечал Перейра. – Неужели вы могли думать, что такие призы для бедняков? Ну-с, аукцион открыт. Начальная цена тридцать унций. Кто прибавляет за белую девушку Хуанну? Кто прибавит, кто?

– Тридцать пять, – сказал человек низенького роста, худой, с чахоточным кашлем, годившийся более для могилы, нежели для женитьбы.

– Сорок, – вскричал другой, чистокровный араб, с мрачным выражением лица, желавший, очевидно, прибавить к своему гарему новую гурию.

– Сорок пять! – отвечал его противник.

Тогда араб предложил пятьдесят, но маленький человек увеличивал свои ставки. Предложив шестьдесят пять, араб прекратил надбавки, решив, очевидно, обождать с гурией.

– Она моя! – закричал чахоточный.

– Подожди немного, дружок, – заговорил гигант-португалец Ксавье, – я сейчас только начну... семьдесят пять!

– Восемьдесят, – сказал низенький человек.

– Девяносто, – прокричал третий.

– Девяносто пять, – отвечал Ксавье.

– Сто пять! – торжествующим тоном проговорил Ксавье.

Тогда его противник отступил с проклятием, и толпа зашумела, думая, что выиграл Ксавье.

– Пристукните, Перейра! – сказал португалец, посматривая с деланной небрежностью на свой приз.

– Подождите немного, – вмешался Леонард, – я начну теперь. Сто десять!

Толпа снова загудела, так как состязание становилось интересным.

Ксавье посмотрел на Леонарда и сжал в ярости кулаки. Он был очень близок к пределу той суммы, которую мог предложить.

– Ну, – закричал Перейра, облизывая от удовольствия свои губы, так как цена уже превысила ожидавшуюся им сумму на двадцать унций, – я пристукну красотку чужестранцу Пьеру. Ксавье, взгляните на девушку, и прибавьте еще. Право, она идет очень дешево. Только помните: кредита не будет ни на одну унцию. Плата сейчас же!

– Сто пятнадцать! – сказал Ксавье с видом человека, делающего последнее усилие попытаться счастья.

– Сто двадцать, – ответил спокойно Леонард, хотя он предложил последнюю имевшуюся в его распоряжении унцию и, если бы Ксавье прибавил еще, то должен был бы прекратить

состязание или предложить в уплату рубин Соа. Конечно, он сделал бы это с удовольствием, но, пожалуй, никто не поверил бы, что камень таких размеров – настоящий рубин.

Тем не менее ни одна черточка на лице Леонарда не выдала его волнения: напротив, спокойно повернувшись к слуге, он приказал подать себе бутылку с вином и сам наполнил свой стакан. Леонард знал, что его противник следил за ним. Прояви он малейшее волнение – и все пропало.

Между тем зрители издали возгласы одобрения, а Перейра заставлял Ксавье прибавить еще. Одно мгновение португалец колебался, взглянув на Хуанну, которая, бледная, молча стояла, опустив голову на грудь.

Со стаканом вина в руке Леонард повернулся к своему противнику.

– Вы прибавите еще, сеньор? – спросил он.

– Нет, черт с вами! Берите ее! Я не дам больше ни одной унции ни за нее, ни за какую другую женщину на свете!

Леонард только улыбнулся и посмотрел на Перейру.

– Белая девушка, Хуанна, – начал тот медленно, – переходит к чужестранцу Пьеру за сто двадцать унций золота. Ксавье, не теряйте ее. Смотрите, пожалеете после. Я спрашиваю вас в последний раз! – И он поднял вверх стой стакан.

Ксавье сделал шаг вперед и хотел что-то сказать. Сердце Леонарда сильно забилось, но внезапно португалец раздумал и отвернулся.

– Кончено! – прокричал Перейра, стукнув стаканом о ручку своего кресла с такой силой, что осколки стекла полетели в разные стороны.

Глава XIII. Полночное бракосочетание

– Кончено! – сказал снова Перейра. – Теперь, друг Пьер, прежде, чем мы узаконим это дело при помощи нашей святой церкви, быть может, вы отдадите золото. Вы помните, что дело шло на наличные.

– Конечно, – отвечал Леонард. – Где эта черная собака, мой карлик? А, вот он! Собака, дай золото. Если у тебя его недостаточно, то вот еще! – и, сняв свой пояс, из которого он предварительно вынул рубин, Леонард швырнул его Оттеру.

– А теперь, сеньоры и товарищи, – продолжал он, – выпейте за здоровье мое и невесты; надеюсь, что мы еще будем иметь дела с вами. Я заплатил довольно дорого за эту девушку, но что же делать? Люди нашей профессии должны быть готовы удовлетворить свои прихоти, чтобы сделать веселее нашу краткую жизнь!

– Зато она будет лучшего мнения о вас, а вы о ней, – произнес чей-то голос. – За здоровье капитана Пьера и его невесты! – и они выпили, громко крича в пьяном весельи.

Между тем Оттер, подобострастно приблизившись к Перейре, стал пригоршнями класть золотые слитки и монеты на чашку весов, которые держал в руках Желтый дьявол. Наконец, все золото, имевшееся у Леонарда, было положено на весы блестящей грудой.

– Немного не хватает до ста двадцати унций, – сказал Ксавье, – я беру девушку!

– Баас, – тихо сказал Оттер, – у тебя есть еще золото? Тут не хватает до полного веса!

Леонард беззаботно посмотрел на чашку с золотом, которая, колеблясь, стояла почти вровень с другой чашкой весов.

– Сколько угодно, – сказал он, – но сюда будет достаточно вот этого!

С этими словами, сняв со своего пальца кольцо с печатью, он бросил его на весы. Исключая рубин, это была последняя ценная вещь, которую он имел при себе. Чашка с золотом опустилась.

– Хорошо, – сказал Перейра, потирая от удовольствия руки при виде такого богатства. – Принесите мне кислоты, чтобы испытать золото. Не обижайтесь, чужестранец Пьер, но ведь есть негодные люди, которые выдают медь за золото!

Исследовав качество золота и найдя его хорошим, Перейра, обратившись к патеру, произнес:

– Ну, отец, приступайте к своему делу!

Патер Франциско выступил вперед. Он был очень бледен и казался сильно испуганным. Леонард, при взгляде на него, с удивлением увидел, что лицо патера отличалось тонкостью черт и дышало добротой.

– Дон Антонио, – сказал священник мягким, почти девическим голосом. – Я протестую против вашего приказания. Судьба бросила меня в вашу среду, и я принужден был видеть много зла, но сам его еще не делал. Я напутствовал умирающих, ухаживал за больными, утешал угнетенных, но еще не принимал участия в кровавых подвигах. Я пастырь нашей святой церкви и если повенчаю этих двоих, то они будут мужем и женой до самой смерти. Я не хочу призывать благословение церкви на этот позорный акт. Я не хочу делать этого!

– Вы не хотите делать этого, бритый изменник? – прорычал Перейра в бешенстве. – Разве вы хотите последовать за вашим братом? Смотрите, мой друг, или вы исполните мое приказание и повенчаете этих двоих людей, или... – Перейра произнес страшную угрозу.

– Нет, нет, – сказал Леонард, желая воспользоваться удобным случаем избежать участия в отвратительном глумлении над святыней. – Оставьте его в покое. Что значат молитвы обманщика? Сеньора и я обойдемся без них!

– Я вам говорю, чужестранец, что вы должны жениться на девушке, а этот плакса повенчает вас. Если вы этого не сделаете, то я удержу золото и девушку. Что же касается его, то он может выбирать. Эй, рабы, принести бич!

Нежное лицо Франциско покрылось розовой краской.

– Я не герой, чтобы вынести это, – произнес он, – я исполню ваше приказание, дон Антонио, и да простит мне Бог этот грех. Слушайте меня вы, Пьер и Хуанна! Я сделаю вас мужем и женой, соединю вас при помощи таинства, святость которого не уменьшится теми ужасными обстоятельствами, при которых оно будет совершено. Вам, Пьер, я советую оставить ваши злодеяния, любить и оберегать эту женщину, не то проклятие Неба обрушится на вас. Вы, Хуанна, надейтесь на Бога, Бога сирот и угнетенных, который воздаст вам за переносимые вами невзгоды, и простите меня!

После этого патер попросил дать ему воды для освящения и кольцо.

– Вот кольцо, – сказал Перейра, взяв из золотой кучи кольцо Леонарда. – Это мой свадебный подарок!

Вода была налита в сосуд, и священник освятил ее.

Затем он предложил Леонарду стать рядом с девушкой и попросил толпу отступить несколько назад. Все это время Леонард наблюдал за Хуанной. Она не произнесла ни слова, и лицо ее было спокойно, хотя глаза говорили ему об ужасе и отчаянии, которыми было полно ее сердце.

Раз или два она подносила свою сжатую правую руку ко рту, но опускала, не коснувшись губ. Леонард понимал хорошо ее мысли и, чтобы предотвратить роковой исход, решился заговорить с ней, рискуя быть разоблаченным.

Повинуясь указанию священника, он стал, улыбаясь, рядом с нею. Затем, продолжая улыбаться, он взял в руку волну темных волос молодой девушки, как бы любясь ею, и нагнулся к ней, сделав вид, что хочет поцеловать ее. Бледная и суровая стояла Хуанна, и рука ее еще раз поднялась к устам.

– Стойте! – шепнул ей Леонард по-английски. – Я пришел освободить вас. Перенесите этот фарс, он не имеет никакого значения. Затем, когда я скажу вам, бегите по подъемному мосту в лагерь рабов!

Она поняла, и рука ее опять опустилась.

– Эй, друг Пьер, что это вы там шепчете? – спросил подозрительно Перейра.

– Я говорил невесте, как она прекрасна! – отвечал беспечно Леонард.

Хуанна окинула его притворным взглядом ненависти и гнева, и затем церемония началась.

Молодой священник был одарен прекрасным, звучным голосом и при свете луны совершал венчание так торжественно, что даже негодяи, стоявшие вокруг, прекратили свои шутки и замолкли. Все было сделано правильно, хотя Хуанна и не ответила ничего на обычные вопросы. Бесстыдный Перейра с нахальной любезностью руководил церемонией. Наконец, руки новобрачных были соединены, кольцо надето на палец Хуанны, произнесено благословение, и все было кончено.

В течение всего этого времени Леонард стоял как во сне. Ему казалось, что они действительно обвенчаны. Но когда церемония кончилась, он пробудился от своих мечтаний; фарс был сыгран, теперь надо было уходить.

– Ну-с, дон Антонио, – сказал он Перейре, – теперь я должен попрощаться с вами. Моя лодка...

– Глупости, – перебил его работороговец, – вы останетесь здесь ночевать!

– Благодарю вас, но мне нельзя, – отвечал Леонард. – Завтра я могу вернуться, чтобы устроить маленькое дельце. У меня есть поручение купить человек пятьдесят за хорошую цену!

Говоря это, Леонард взглянул на восток и увидел густые облака дыма, поднимавшиеся вдали. Наконец, тростники были зажжены. Люди Мэвума сделали свое дело, и пламя скоро будет замечено. Надо было уходить, пока не поздно.

– Ну, если вы должны, так нечего делать, – отвечал Перейра, причем Леонард заметил, что негодяй как будто даже доволен его уходом. Впоследствии Хуанна объяснила ему, что Желтый дьявол был напуган ее предсказанием, что тот, кто возьмет ее, погибнет. Суеверно ожидая исполнения этого предсказания, Перейра был рад уходу покупателя: иначе, если бы тот умер в гнезде, могли бы подумать, что он убил его с целью завладеть золотом и девушкой.

Попрощавшись с Перейрой, Леонард повернулся, чтобы идти, сопровождаемый Оттером и Хуанной, которую он вел за руку. Леонард хотел сначала идти к воротам, затем быстро свернул к подъемному мосту, где должны были ждать его Соа и люди Мэвума, вместе с которыми предполагал скрыться из гнезда.

Но едва он успел сделать несколько шагов, как гигант-португалец Ксавье, стоявший до сих пор в глубокой задумчивости, подошел к нему.

– По крайней мере, я должен разок поцеловать ее за мое беспокойство! – сказал он, и, схватив Хуанну за талию, притянул к себе.

Тогда Леонард, забыв всякую осторожность, со сжатыми кулаками бросился на негодяя и ударил его по лицу с такой силой, что тот упал на землю, увлекая за собой Хуанну.

В следующее же мгновение молодая девушка была на ногах и стояла возле Леонарда. Ксавье также поднялся с земли и со страшными проклятиями обнажил свою саблю.

– Следуйте за мной! – сказал Леонард Хуанне и Оттеру и, не прибавив более ни слова, бросился бежать.

Взрыв смеха из толпы раздался ему вслед.

– Вот храбрец! Это французский фокусник! – кричали работоторговцы. – Бьет безоружных, а сам боится сражаться!

Эти люди завидовали чужеземцу и с удовольствием увидели бы его смерть.

– Остановить его! – раздалось несколько голосов, и с десятков негодяев бросились за ним, как собаки, преследующие дичь.

Леонард мог бы убежать от них, так как бегал очень быстро, но ни Хуанна, ни Оттер не могли поспеть за ним; он замедлил шаги и вскоре увидел перед собой работоторговцев, некоторые из которых держали в руках ножи.

– Стой, трус! Стой и сражайся! – закричали они, размахивая оружием перед его лицом.

– Хорошо! – отвечал Леонард, остановившись и оглядываясь вокруг.

Не далее чем в тридцати ярдах от него был подъемный мост, который, как показалось Леонарду, начал немного колебаться, словно собираясь опуститься. Оттер и Хуанна стояли возле Леонарда, на которого уже бежал со зверским окровавленным лицом гигант-португалец с саблей наголо, изрыгая ругательства.

– Оттер, – быстро проговорил Леонард, выхватывая свою саблю, – стань сзади меня, чтобы, когда я буду драться с этим, остальные не бросились на меня, а вы сударыня, – обратился он к Хуанне, – бегите к мосту. Соа и ваши люди там!

Едва он успел произнести эти слова, как Ксавье был уже около него. Яростно замахнувшись, он хотел нанести удар Леонарду, но последний отпрыгнул назад, и удар пришелся по воздуху. Еще два раза Ксавье пытался ударить своего противника саблей, но оба раза Леонард повторял свой маневр, отступая к подъемному мосту, который теперь был от него не далее, как в двадцати ярдах. Но когда португалец бросился на него в четвертый раз, англичанин не мог повторить своего приема, так как сзади него уже были работоторговцы.

Ксавье размахнулся и нанес страшный удар. При лунном свете Леонард увидел, как сверкнула сталь, но парировал удар саблей. При ударе стали о сталь посыпались искры, и на землю полетели обломки сабель.

– Продолжай, баас, продолжай, – сказал Оттер, – обе сабли сломались!

Леонард увидел, что Оттер говорил правду. Португалец швырнул в сторону свое сломанное оружие и схватился за нож.

У Леонарда не было ножа, а о револьвере в этот момент он не вспомнил. С обломком сабли в руке он бросился на Ксавье, который ринулся ему навстречу. Противники ударились друг о друга, как два ядра. Леонард нанес Ксавье один удар своим обломком сабли, отбросив его затем, как бесполезную вещь. Однако этот обломок оказал ему хорошую услугу: попав в правую руку португальца, он парализовал ее на одно мгновение, вследствие чего Ксавье уронил свой нож. После этого противники схватились друг с другом без всякого оружия.

Дважды гигант португалец поднимал англичанина с земли, но ему не удавалось бросить его оземь, как он того хотел.

Дав португальцу время истощить силы, Леонард, сделав быстрое движение, поставил свою правую ногу за левой ногой Ксавье и с силой толкнул своего врага в грудь. Потеряв равновесие, гигант упал на землю с глухим стуком, как срубленное дерево, увлекая за собой и Леонарда, который, однако, упал на противника.

С мгновение португалец лежал тихо, тяжело дыша. Леонард огляделся: шагах в восьми от них лежал нож; кто овладеет им, тот выиграет эту смертельную игру. Ксавье, собравшись с силами, уже сжимал его в своих страшных объятиях. Он также видел нож и мог схватить его. Чтобы лишить своего врага возможности овладеть ножом, Леонард сделал движение и закрыл своим телом нож от глаз Ксавье. Но для этого ему пришлось ослабить давление на грудь противника, чем тот и воспользовался, чтобы поднять спину с земли. Толпа, увидев это, заликовала, думая, что чужеземец ослабел.

– Нож! Дайте нож! – прохрипел Ксавье, и несколько человек бросились исполнять его приказание.

Но Оттер с обнаженной саблей загородил им дорогу. Его черное лицо подергивалось от волнения, глаза сверкали, и плечи вздрагивали.

Оцепеневшей при виде ужасной борьбы Хуанне карлик казался чем-то вроде черного гнома, скорее сверхъестественным существом, нежели человеком.

– Кто коснется ножа – умрет, – проговорил он по-арабски, протянув вперед свою длинную руку с обнаженной саблей. – Пусть эти петухи дерутся, господа!

После слов Оттера никто не смел приближаться к ножу.

Не получив оружия, Ксавье сделал страшное усилие и освободил свою правую руку, которой сжал горло противника. Леонард напряг все свои силы, и, наконец, ему удалось опять повалить Ксавье на спину, но гигант со страшной силой сжимал его горло. Кровь застучала в его висках, и он чуть не лишился чувств. Собрав последние силы, Леонард ударил португальца кулаком правой руки в лоб так тяжело, что голова гиганта стукнулась о каменистую почву. Еще один страшный удар – и Леонард почувствовал, что его горло свободно и воздух ворвался в легкие. Теперь он мог бы схватить нож, но в нем уже не было надобности. Португалец, широко раскинув руки, судорожно вытянулся и затих.

Пока зрители с удивлением смотрели на ужасный исход борьбы, Хуанна, помня наставления своего избавителя, повернувшись, побежала к подъемному мосту. Оттер же, подскочив к Леонарду, поднял его с земли.

– Вот хороший удар! – вскричал карлик. – Он мертв, клянусь духом моей матери, хоть сталь и не коснулась его. Очнись, баас, очнись: хотя борова уже нет, но свиньи еще остались!

Леонард мало-помалу пришел в себя. Посмотрев вокруг, он увидел Хуанну, стоявшую у моста, по-видимому, в раздумье, бежать ей, или стоять на месте.

– Господа, – прохрипел Леонард, обращаясь к окружавшим его работаровцам, – я сражался, и победа осталась за мной. Теперь дайте мне спокойно уйти вместе с девушкой. Жив ли этот человек?

Работорговцы обступили тело Ксавье; среди них находился и патер Франциско, который, став на колени, осмотрел португальца.

– Бесплезно ухаживать за ним, он мертв! – проговорил священник, встав с колен.

Работорговцы посмотрели на Леонарда с удивлением, смешанным с ужасом: кто бы мог подумать, что такой силач, как Ксавье, мог быть убит ударом кулака? Они не учли, что не трудно убить так человека, голова которого лежит на камне.

Однако удивление их перешло в ярость. Ксавье был их любимцем, и они не хотели оставить неотомщенной его смерть. С угрозами и проклятиями они подступили к Леонарду.

– Назад! – произнес он. – Дайте мне дорогу. Я честно сражался с вашим другом; видите, я даже не воспользовался вот этим! – прибавил он, внезапно вспомнив о своем кольте, и направил на них дуло револьвера.

При блеске стали пыл работорговцев несколько уменьшился, и они расступились.

– Быть может, вы дадите мне вашу руку, батюшка? – сказал Леонард, обращаясь к Франциско, стоявшему возле него. – У меня немного повреждена нога!

Франциско исполнил эту просьбу, и Леонард направился к Хуанне, а Оттер шел сзади с обнаженной саблей.

Не успели они сделать и десяти шагов, как Перейра, наскоро посоветовавшись с одним из своих помощников, быстро выступил вперед.

– Схватить этого человека! – закричал он. – Он убил уважаемого дона Ксавье, нанеся ему предварительно оскорбление. Он должен поплатиться за это!

Десяток негодяев бросились вперед исполнять приказание своего главаря, но пистолет и сабля Оттера охладили их усердие.

Леонард увидел, что положение становится серьезным, но внезапная мысль пришла ему в голову:

– Хотите вы бежать из этого места, батюшка? – быстро спросил он священника.

– Да, – ответил Франциско, – здесь настоящий ад!

– В таком случае, как можно скорее ведите меня к мосту. Я слаб и измучен, но там будет помощь!

В это время подъемный мост, находившийся от него не далее чем в десяти ярдах, с треском опустился.

– Бегите туда, Хуанна Родд! – закричал по-английски Леонард.

Молодая девушка повиновалась, помедлив немного. Казалось, взгляд ее говорил: как я могу оставить вас?

– Ну, батюшка, теперь скорей к мосту! – прибавил Леонард и, опираясь о плечо священника, прихрамывая, пошел вперед.

– Измена! – заревел Перейра. – Остановить его! Кто опустил мост?

Один из работорговцев бросился на Леонарда. Это был тот самый молодой человек, которому Леонард предлагал драться перед аукционом. В его руках был нож, которым он уже замахнулся, чтобы ударить Леонарда в спину, но Оттер, охранявший своего господина, взмахнул саблей, и работорговец рухнул на землю с раскроенным черепом.

– Взять мост и удерживать его! – заревел снова Перейра.

– Поднимите мост! Поднимите! – вскричал в свою очередь Оттер, с саблей и пистолетом в руках отгоняя наседавших на него работорговцев.

Подъемный мост был поднят с такой быстротой, что Леонард и Франциско, которые еще не успели его пройти до конца, покатались на землю, очутившись, наконец, в лагере рабов.

– Оттер! – вскричал Леонард. – Боже мой! Они убьют его!

Вместо ответа карлик, выстрелив из своего пистолета, с громким криком, подобно дикой кошке, подпрыгнул в воздух и схватился за железные цепи поднимавшегося в это время моста. Один из врагов попробовал было схватить его за ноги, но он с такой силой ударил его ногой по

лицу, что тот полетел в воду. В следующий момент он был вне досягаемости врагов и быстро карабкался вверх. Два-три ножа и несколько пуль были пущены ему вслед, но неудачно.

– Ага, Желтый дьявол, – вскричал карлик, – посмотри назад: там виден другой дьявол, еще желтее и злее тебя!

Перейра со всей компанией обернулся, и в ту же минуту громадный столб пламени с шумом вырвался из болота. Тростники разгорелись, и ветер разносил пламя.

Вместо ответа карлик, выстрелив из своего пистолета, с громким криком, подобно дикой кошке, подпрыгнул в воздух и схватился за железные цепи

Глава XIV. Местъ

– Измена! Измена! – заревел Перейра. – Тростники горят. Этот колдун погубил нас!

– Ха-ха-ха! – захохотал Оттер в своем убежище. – Измена! Измена! А что, если рабы освобождены, что, если ворота заперты?

При этих словах Оттера толпа застыла от ужаса, смотря то на карлика, то на приближавшееся пламя. Наконец негодяи обрели снова дар речи.

– Это враг! Убить его! На штурм лагеря! К воротам! – раздались крики на разных языках.

Для большинства работорговцев это были последние их крики на земле, так как в тот же момент над валом показалось пламя, сопровождаемое гулом выстрела, и шесть фунтов картечи врезались в толпу, проложив в ней широкую дорогу. Пораженные ужасом негодяи бросились бежать.

Очутившись в лагере рабов, Леонард и священник нашли Хуанну, стоявшую в безопасности около сторожки, среди группы людей ее отца.

– К оружию! – вскричал Леонард. – К оружию! Стрелять в них!

В это время он увидел Оттера, предоставленного собственной участи, и закричал от ужаса. Но карлик спасся, как мы видели, и спустился с моста целый и невредимый.

Опираясь на Оттера и Франциско, Леонард в сопровождении Хуанны пошел вдоль вала к тому месту, где стояла пушка. Но у орудия уже находилась Соа с несколькими из людей Мэвума, державшая в руках запальный шнур. Она дернула за шнур и отскочила назад при откате орудия, точно была настоящим артиллеристом.

– Ага! – произнес Оттер. – Старуха не ленится. Она искусна, как мужчина!

В следующую минуту они помогли зарядить пушку, а Соа бросилась на колени перед Хуанной, целуя ей руки.

– Ну, передохнем пока! – сказал Леонард, опускаясь на землю в страшном утомлении. – Эти дьяволы пошли за своим оружием. Они, вероятно, сейчас атакуют нас. Соа, опусти ниже дуло орудия! – Затем он приказал всем освобожденным рабам вооружиться, чем попало, так как в сторожке нашлось всего два ружья.

В следующую минуту работорговцы с воем начали наступать, таща за собой длинные доски, с помощью которых они надеялись перейти канал.

– Смотрите! – сказал Леонард. – Они хотят открыть огонь. За вал все! – И, схватив стоявшую вблизи Хуанну, он поставил ее за укрытие. Едва он успел это сделать, как град пуль посыпался на них. Несколько человек, не успевших спрятаться за вал, были убиты или тяжело ранены. Осыпав врагов пулями, работорговцы стали приближаться к лагерю, переходя группами открытое пространство. Заметив это, Леонард подал команду стрелять; и опять картечь произвела страшное опустошение в их рядах. Пораженные ужасом работорговцы отбросили всякую мысль о штурме лагеря, думая только о спасении собственной жизни. Большинство врагов бросились теперь к воротам, стремясь найти спасение в бегстве. Но ворота были заперты, а сломать их было нелегко. Однако, схватив ствол дерева, работорговцы пытались с его помощью разбить ворота. Снова раздался выстрел из орудия в массу негодяев, столпившихся у ворот. Большинство их разбежалось, пытаясь укрыться в гнезде; человек десять продолжали разрушать ворота, а после нескольких выстрелов из ружей Леонарда и Оттера, последовали примеру своих товарищей.

– О, смотрите, смотрите! – воскликнула Хуанна, указывая на восток.

Зрелище было действительно необыкновенное. Густые тростники, высотой от 12 до 15 футов, горели далеко к востоку от гнезда, и море пламени бушевало, уничтожая все перед собою.

– Дома и навес скоро сгорят, и тогда они должны будут выйти на открытое место, где мы и уничтожим их! – сказал Леонард.

– Мы должны быть осторожны, баас, – сказал Оттер, – а то навесы для рабов сгорят также со всеми находящимися в них людьми!

– Боже! Я не подумал об этом! – отвечал Леонард. – Батюшка, – обратился он к Франциско, – если вы хотите сделать доброе дело, возьмите несколько людей с ведрами с водой и тушите искры, падающие на навесы!

Священник взялся за это дело и, работая без устали в течение двух часов, спас навесы с рабами от пожара.

К восходу солнца от гнезда оставались одни развалины, а обитатели его, не находя спасения в горевших зданиях, то бросались в болото, то, подходя к лагерю рабов, просили пощады, но были безжалостно убиты Оттером.

Наши друзья, за исключением карлика, страшно утомились и нуждались в отдыхе, но Оттер все еще кипел желанием мстить, для чего, выпросив у Леонарда разрешение взять с собой нескольких людей Мэвума, пошел уничтожать тех врагов, которые еще были живы. Тем временем Леонард и другие, достав воды, помылись и вообще привели себя в порядок, а затем сели завтракать. К концу завтрака вернулся Оттер, цел и невредим, хотя пяти людей из числа взятых им не доставало.

– Все кончено? – спросил Леонард у карлика.

Оттер кивнул головой.

– Некоторые убиты, другие убежали, – сказал он, – но они для нас уже не опасны, так как не посмеют вернуться сюда. Но это еще не все, баас. Мы взяли одного из них живым. Посмотри на него, баас!

Леонард перешел по мосту через канал и подошел к группе людей, ходивших с Оттером к гнезду. Среди них лежал на земле какой-то белый человек, издававший стоны ужаса и страха. Когда он поднял голову, то Леонард увидел, что это был сам Желтый дьявол.

– Где вы его нашли, Оттер? – спросил Леонард.

– В магазине, баас, и твое золото с ним, а также много ружей и пороху. У него не хватило духу поджечь порох и покончить со всем!

В это время Перейра, не замечая еще Леонарда, попросил воды.

– Дайте ему крови, – мрачно сказал один из освобожденных рабов, – всю жизнь он пил ее, пусть напьется в последний раз!

Леонард попросил Франциско дать ему воды, и тогда Перейра, заметив его, начал молить о прощении.

– Антонио Перейра, – отвечал сурово Леонард, – вы получите только справедливое возмездие, не более!

– Баас, – вмешался Оттер, – отдайте его нам: он – наш мучитель и теперь принадлежит нам!

– Как! – завыл Перейра. – Я буду отдан этим черным собакам? Пощады! Пощады! Франциско, просите за меня! Исповедуйте меня! Я знаю, я убил вашего брата, я должен был сделать это. Просите за меня! – и, катаясь по земле, он старался обнять ноги Леонарда.

– Я не могу исповедывать вас, – сказал, содрогаясь, священник, – но я буду молиться за вас!

В это время туземцы яростно бросились на Перейру, но Леонард остановил их, сказав:

– Я не допущу здесь ваших диких жестокостей. Пусть этот человек будет расстрелян, но не более!

Очевидно, однако, Перейре не суждено было погибнуть от руки человека, так как, едва Оттер коснулся его, он, побагровев, всплеснул руками и со стоном рухнул на землю.

Леонард посмотрел на него: он был мертв, умер от страха смерти; ужас прекратил биение его злодейского сердца.

– Пастушка верно предсказывала, – вскричал Оттер, – что небо похитит его от нашего мщения. По крайней мере, теперь он уже не будет делать зла!

– Оттащите его прочь! – сказал Леонард с содроганием. Повернувшись к карлику, он прибавил: – Оттер, возьми этих людей и освободи остальных пленных, затем забери боевые припасы, ружья и провиант из склада оружия и снеси их к воротам. Мы должны скорее уходить отсюда, а то убежавшие работоторговцы могут вернуться сюда со свежими силами!

Такая судьба постигла, наконец, Антонио Перейру, Желтого дьявола.

Глава XV. Разочарование

Наступило утро, и путешественники расположились лагерем в том скрытом в тростниках месте, где были спрятаны Леонардом и Оттером лодки, захваченные ими у работорговцев. Сотни освобожденных рабов были перевезены на другой берег реки, снабжены всем необходимым и затем предоставлены собственной участи, так как взять их с собой не представлялось никакой возможности.

Когда освобожденные пошли своей дорогой, Оттер, проводив их глазами, сказал Леонарду:

– Ну, мы сделали наше дело в гнезде, поговорили с Желтым дьяволом и его бандой, баас! Что же, пойдем мы теперь искать золото, настоящего желтого дьявола?

– Я предполагаю, что да, Оттер, – отвечал Леонард. – Если только Соа сдержит свое слово. Но речь идет не о золоте, а о рубинах. Во всяком случае, сначала мы должны отправиться в поселение ниже Сены, отвести этих людей назад и узнать что-нибудь о Мэвуме!

– Так, – сказал, помолчав немного, Оттер. – Пастушка, как называли ее поселенцы, желает, конечно, разыскать своего отца. Однако, баас, не желаешь ли выкупаться в реке, чтобы печаль оставила тебя?

Леонард последовал этому совету и вернулся после купания совсем другим человеком, так как холодная вода всегда производила на него волшебное действие. Теперь он чувствовал себя вполне нормально, так как, за исключением легкого вывиха на ноге и царапины на горле в том месте, где схватил его Ксавье, он не поплатился более ничем за памятную ночь, проведенную в гнезде Желтого дьявола. Среди добычи, найденной в лагере, оказалось несколько перемени платья, в которое Леонард и поспешил переодеться, скинув с себя португальскую форму. Теперь он был одет как обыкновенный английский колонист, довольно неуклюже, но удобно.

Между тем и Хуанна окончила свой туалет с помощью Соа, воспользовавшейся этим временем, чтобы рассказать своей госпоже историю встречи с Леонардом Утрамом. Но нарочно или по забывчивости, только она ни слова не упомянула о соглашении, существовавшем между ними.

Окончив свой туалет, молодая девушка вышла прогуляться, направившись по узенькой тропинке через тростниковую заросль. Едва она успела сделать несколько шагов, как столкнулась лицом к лицу с Леонардом.

Протянув Леонарду руку, она любезно улыбнулась ему:

– Доброе утро! – сказала Хуанна. – Надеюсь, вы хорошо спали и нет никаких плохих новостей?

– Я провел восемь часов в состоянии совершенного оцепенения, – отвечал он смеясь, – а новостей нет никаких, кроме тех, что я освободил этих бедняг – рабов. Думаю, что наши друзья, работорговцы, достаточно уже пользовались нашим обществом и едва ли последуют за нами!

Она, побледнев немного, отвечала:

– Вероятно, так. По крайней мере, я довольно натерпелась от них. Кстати, мистер Утрам, я должна поблагодарить вас за эту громадную услугу, которую вы оказали мне, – При этом ее глаза упали на золотое кольцо, блестевшее на ее пальце. – Это кольцо принадлежит вам, – прибавила она, – и я должна вернуть его вам!

– Мисс Родд, – сказал медленно Леонард, – мы пережили вместе с вами очень странные приключения. Не сохраните ли вы это кольцо на память о них?

– Я должна поблагодарить вас за эту громадную услугу, которую вы оказали мне

Первым ее побуждением было отказаться. Пока она будет носить это кольцо, мысль об ужасной сцене ее продажи и еще более ненавистной пародии на брак будет постоянно с ней. Однако когда слова отказа уже были готовы слететь с ее уст, какое-то неизвестное чувство, скорее, инстинкт, почти суеверие, удержало ее от этого.

– Вы очень любезны, – сказала она, – но это ваше фамильное кольцо. Вы не можете отдавать его случайным знакомым!

– Да, это мое фамильное кольцо, но если вы взглянете на герб и девиз, то увидите, что они похожи в своем значении; вот почему я могу дать его даже «случайному знакомому». Читайте. «За дом, честь и любовь», – сказал Леонард.

Хуанна при слове «любовь» покраснела, сама не зная почему.

– Хорошо, я буду носить кольцо, если вы желаете этого, мистер Утрам, на память о наших приключениях, пока вы не потребуете его обратно, – смущенно проговорила она, – но в этих приключениях есть одна подробность, – прибавила она другим тоном, – я разумею отвратительный и негодный фарс, в котором мы вынуждены были принимать участие. Большинство свидетелей этой позорной сцены умерли и не могу более говорить о нем, а вы должны заставить вашего слугу-карлика молчать; я сделаю то же по отношению к патеру Франциско. Пусть он будет забыт нами обоими!

– Конечно, мисс Родд, – сказал Леонард, – если только такая странная вещь может быть забыта. А теперь, не угодно ли вам пожаловать к завтраку?

Она наклонила голову и прошла мимо него с красными лилиями в руке.

– Странно! Какую власть может иметь она над этим священником, – сказал Леонард, – и как может заставить его молчать? Что касается меня, то я бы с удовольствием обошелся без его общества. Странная девушка!

Вернувшись на место стоянки, Леонард застал священника, дружески беседующего с Хуанной.

– Кстати, батюшка, – внезапно обратился он к священнику, – как вы знаете, я отправил этих рабов, предоставив им возвратиться самим по своим домам, так как взять их с собой было невозможно. Каковы же ваши планы? Вы относились к нам до сих пор хорошо, но я не могу забыть, что застал вас в дурной компании. Быть может, вы желаете возвратиться к ней, и в таком случае, ваш путь лежит к востоку! – И Леонард указал рукой по направлению к гнезду.

– Я не удивляюсь, сеньор, что вы не доверяете мне, – сказал Франциско, причем его бледное девическое лицо покрылось краской, – так как обстоятельства говорят против меня. Но уверяю вас, что хотя я и вступил в компанию Антонио Перейры по собственному желанию, однако не с дурной целью. Чтобы долго не распространяться, сеньор, скажу вам, что у меня был брат, который, совершив преступление, бежал из Португалии и поступил в шайку Перейры. С большим трудом я нашел его здесь и был с удовольствием принят в гнезде, так как я могу и ухаживать за больными, и напутствовать умирающих; ведь злодеи, сеньор, в конце концов, тоже люди. Я убедил моего брата вернуться со мной, и мы составили план бегства, но Перейра узнал об этом, и мой брат был повешен. Они не тронули меня ради моего сана, но стали возить с собой пленником в свои экспедиции. Вот и вся история. Теперь, с вашего позволения, я бы хотел следовать с вами, так как у меня нет денег и я не могу идти один по этой пустыне, хотя и боюсь, что по своему слабосилию не в состоянии оказать вам помощь, а в моих услугах, как священника, едва ли вы будете нуждаться, будучи другого вероисповедания.

– Очень хорошо, – отвечал холодно Леонард, – но, пожалуйста, поймите, что мы еще окружены многими опасностями и предательство может погубить нас. Поэтому предупреждаю вас, что в случае, если я открою что-либо подобное, мой ответ будет короток!

– Не думаю, чтобы вам нужно было предупреждать об этом батюшку, мистер Утрам, – проговорила с негодованием Хуанна. – Я обязана ему многим; если бы не его советы, меня бы уже не было в живых. Я ему глубоко благодарна!

– Если вы ручаетесь за него, мисс Родд, то, конечно, этого достаточно. Вы лучше меня знаете его! – отвечал медленно Леонард, мысленно сопоставляя разницу в оценке услуг патера и его собственных.

Окончив завтрак, наши путешественники поплыли вверх по реке в лодках, похищенных у работорговцев. В каждую лодку сели лучшие гребцы из поселенцев. Считая женщин и детей, всего было 60 человек.

Вечером они прошли мимо того острова, на котором оставили без лодок компанию работорговцев, но не могли увидеть на нем ни малейшего признака жизни и так и не узнали, погибли ли эти люди или спаслись.

Через час они расположились на отдых на берегу реки. Сидя около костра, Хуанна рассказала Леонарду о тех ужасах, которым она подвергалась во время своего путешествия с караваном работоторговцев. Она вспомнила, как, вырывая из Библии листы, она укрепляла их в тростнике, с целью облегчить отцу его поиски. «Все это было что-то вроде кошмара, – говорила она, – а что касается отвратительного фарса с браком, то я не могу равнодушно вспоминать о нем».

Франциско, молча сидевший до сих пор, заговорил:

– Вы говорите, сеньора, – сказал он, – об этом «отвратительном фарсе с браком», разумея, вероятно, церемонию, которую я совершил над вами и сеньором Утрамом, будучи принужден к тому Перейрой. Мой долг сказать вам обоим, что как ни необычен этот брак, однако я не могу считать его фарсом. Я верю, что вы законные муж и жена до тех пор, пока смерть не разлучит вас, если только, конечно, Папа не расторгнет брак, так как только он один может сделать это!

При этих словах священника Хуанна вскочила со своего места, и Леонард заметил, что грудь ее тяжело дышала, а глаза пылали гневом.

– Просто невыносимо, что я вынуждена слушать такую ложь! – сказала она. – Если вы будете снова повторять ее в моем присутствии, отец Франциско, то я совсем не стану говорить с вами. Я отвергаю этот брак. Перед началом церемонии мистер Утрам шепнул мне проделать этот фарс. Если бы я думала иначе, то предпочла бы проглотить яд. Если есть какое-нибудь оправдание этому браку, значит, я была обманута и вовлечена в ловушку!

– Виноват, сеньора, – возразил священник, – но вы не должны так горячиться. – Сеньор Утрам и я делали только то, что были вынуждены сделать!

– Полагая, что отец Франциско прав, – сказал саркастически Леонард, – чему я не верю, неужели вы, мисс Родд, думаете, что подобный факт устраивал бы меня более, чем вас? Если бы я хотел «обмануть вас» и вовлечь в ловушку, то сделал бы это, не связывая самого себя; ведь даже такой ничтожный человек, как я, не возьмет себе в жены женщину после пяти минут знакомства. Говоря откровенно, я предпринял ваше освобождение по побуждениям, ничего общего не имеющим с матримониальными соображениями!

– Могу я узнать, что это за побуждения? – спросила Хуанна все тем же оскорбленным тоном.

– Разумеется, мисс Родд! Прежде всего я должен объяснить вам, что я не странствующий рыцарь. Я просто бедный искатель приключений, настойчиво ищущий богатства вследствие особых, лично меня касающихся причин. Когда эта женщина, – Леонард указал на Соа, – пришла ко мне с превосходным рассказом о бесценном сокровище, которое обещала в том случае, если я возьмусь за дело вашего освобождения, и даже уплатила мне вперед камнем значительной стоимости, то, не имея в виду ничего лучшего и находясь в полном отчаянии, я согласился. Мало того, я заключил с ней письменное условие, которое она подписала как за себя, так и за вас!

– Я не имею ни малейшего понятия о том, на что вы намекаете, и никогда не уполномочивала Соа подписывать за меня документы. Не могу ли я глянуть на это условие?

– Разумеется, – отвечал Леонард и, встав, отправился к своим вещам, откуда возвратился с фонарем и молитвенником.

Хуанна, поставив фонарь рядом с собой, открыла молитвенник. Первое, что бросилось ей в глаза, была подпись на заглавном листе:

«Джейн Бич» и внизу торопливо сделанная надпись: «Дорогому Леонарду от Джейн. 23 января».

– Переверните! – сказал он поспешно. – Документ на другой стороне!

Она заметила и надпись, и смущение, отразившееся на его лице. Он не заметил, что она прочла посвящение. Кто такая была Джейн Бич и почему она называла мистера Утрама «дорогим Леонардом»? В этот момент – так странно устроены сердца женщин – она чувствовала

предубеждение против этой Джейн Бич. Перевернув лист, она прочла условие, потом, окончив чтение, подняла голову, и на лице ее появилась улыбка, в которой, впрочем, было более гнева, чем удовольствия.

– Поди сюда, Соа, – произнесла она, – скажи мне, что значат все эти глупости относительно рубинов и «народа тумана»?

– Госпожа, – отвечала Соа, садясь перед Хуанной, – это не глупости. Язык, которому я научила тебя, когда ты была маленькой, – язык этого народа. Рассказ о сокровищах верен, хотя до сих пор я скрывала его от тебя и твоего отца, Мэвума, так как он пошел бы на поиски за этими сокровищами и погиб бы из-за этого. Слушай, госпожа! – и она рассказала все то, с чем уже раньше познакомила Леонарда.

– Скажи, Соа, – спросила Хуанна, – чтобы найти эти сокровища, необходимо мое путешествие в страну?

– Я не вижу другого средства! – отвечала старуха.

– Ну, что же, если это так, – ответила Хуанна, – я помогу вам!

– Мы выступим завтра в путь очень рано, и с вашего позволения я вернусь к себе! – сказал Леонард, быстро вскакивая со своего места.

Хуанна с невинным видом наблюдала за ним, и, когда он проходил мимо, она при свете костра заметила, что лицо его было подобно грозовой туче. «Я рассердила его, – подумала она, – и очень рада этому. Что за нужда была освобождать меня за деньги? Но он странный человек, и не думаю, что я вполне поняла его. Любопытно, кто такая эта Джейн Бич. Может быть, это ей-то и нужны деньги!»

Затем она проговорила громко:

– Соа, поди сюда и, пока я раздеваюсь, расскажи мне снова все о твоей встрече с мистером Утрамом: скажи, что он говорил, не забывая ничего. Ты поставила меня своими словами, Соа, в неловкое положение, этого я тебе никогда не прощу. Расскажи мне, так как я могу помочь ему добыть сокровища народа тумана.

Глава XVI. Недоразумения

После вышеописанного разговора отношения между Леонардом и Хуанной обострились, хотя в путешествии им постоянно приходилось сталкиваться друг с другом.

Хуанну охватило сильное желание узнать точно, кто такая была Джейн Бич. С этой целью она стала расспрашивать Оттера, но карлика, по-видимому, вовсе не интересовала Джейн Бич. Он заметил только, что, вероятно, это одна из жен бааса, живущих в большом краале за морем.

Такой оборот дела заинтересовал Хуанну, а упоминание Оттера о «большом краале», где жил раньше Утрам, возбудило ее любопытство, и она стала расспрашивать Оттера о подробностях прошлой жизни его господина.

Карлик весьма охотно удовлетворил ее желание, говоря, что его господин был одним из богатейших и могущественнейших людей во всем свете, но что потерял свои владения из-за происков негодных женщин, после чего приехал в эту страну искать счастья.

До последнего дня путешествия Хуанне не представлялось случая поговорить с Леонардом. Она догадывалась, что он нарочно избегал ее, постоянно садясь в первую лодку с Оттером, предоставляя ей с Франциско и Соа вторую. По отношению к священнику она была необычайно любезна, разговаривала с ним целыми часами, словно он был ее подругой. В самом деле, в характере Франциско было что-то женственное; сама внешность его говорила об этом, а нежное телосложение, изящные руки и черты лица еще более усиливали это впечатление. Лицом он немного походил на Хуанну, и если бы переодеть его в ее платье, то в темноте можно было принять его за нее, хотя она была выше ростом.

Был чудный вечер. Путешественники тихо плыли в лодке мимо поросшего камышом берега.

Молодая девушка запела матросскую песню, которую хором подтянули гребцы.

– Я не совсем понимаю, – сказал Леонард, где вы могли изучить музыку!

– Кажется, мистер Утрам, вы принимаете меня за настоящую дикарку, но и живя на Замбези, я могла получать книги и многое узнать у европейских торговцев, путешественников и миссионеров. Кроме того, мой отец – хорошо воспитанный и очень образованный человек, научивший меня многому. Затем я три года училась в школе в Дурбане, где не зря провела время.

– Да, это объясняет все. Скажите, вы любите жизнь среди дикарей?

– Я до сих пор жила довольно хорошо, но это последнее приключение разочаровало меня. О! Оно было ужасно! Нервная женщина сошла бы с ума на моем месте. Но, повторяю, до сих пор мне эта жизнь нравилась. Общение с природой – лучшая подготовка к общению с людьми, если только вы чувствуете симпатию к ней. Но теперь я хотела бы поехать в Европу, посмотреть цивилизованный свет, но, вероятно, это никогда не случится. Во всяком случае, прежде всего я должна разыскать своего отца! – закончила она, вздохнув.

Леонард не сказал ничего и погрузился в задумчивость.

– А вы, мистер Утрам, какие надежды возлагаете на будущее?

– Я! – горько воскликнул он. – Подобно вам, мисс Родд, я жертва обстоятельств. Как я уже говорил вам, я бедный искатель приключений, ищущий богатства, и большого богатства!

– Зачем же это? – спросила она. – Есть ли в этом смысл – рисковать жизнью из-за богатства?

– Есть! – и молодой искатель приключений рассказал о разорении своего отца.

Мало-помалу разговор коснулся и Джейн Бич. Хуанна старалась расспросить подробнее своего собеседника об этой девушке, о ее наружности и пр.; наконец, прямо спросила:

– Скажите, вы сильно ее любили?

– Да, я ее очень любил!

Большая разница существует между «люблю» и «любил», но Хуанна не обратила на это внимания. Он сказал ей, что любил Джейн Бич и, конечно, сейчас еще сильнее любит ее. Откуда она могла знать, что образ этой далекой и ненавистой для нее Джейн Бич давно вытеснен из его сердца другим, – с чертами некоей Хуанны.

Дрожь снова охватила ее, губы побледнели. Только теперь она поняла, что полюбила этого человека с самой первой встречи. Под влиянием этой-то, хотя и не осознанной до конца любви, она дурно обошлась с ним раньше. Для нее была ужасна мысль о комедии церемонии бракосочетания с этим человеком. Еще обиднее было узнать, что он взялся за ее освобождение не ради нее самой, а в надежде приобрести богатство. Подумав немного, она заговорила твердым тоном:

– Мистер Утрам, я весьма обязана вам, что вы мне рассказали об этом. Ваши слова сильно заинтересовали меня, и я серьезно надеюсь, что рассказ Соа о сокровищах окажется правдивым и что вы отыщете их с моей помощью! А теперь прошу вас простить мою резкость, грубость и мои горькие слова!

Во время своей речи Хуанна начала стягивать кольцо Леонарда с пальца, но тотчас же оставила это намерение. Это был его подарок, единственное звено между нею и человеком, который был для нее потерян. Неужели ей нужно расстаться с ним?

Леонард смотрел ей в лицо, с удивлением слушал ее милые слова. Он видел, что она страдает. Он любил ее. Может быть, и она отвечала ему тем же – и в этом разгадка ее странного поведения? Он хотел раз и навсегда выяснить этот вопрос; хотел сказать ей, что Джейн Бич не более, как нежное воспоминание, и что она, Хуанна, для него сделалась всем на свете.

Через несколько минут они были на берегу. Во время остановки раз или два он пробовал поговорить с ней откровенно, но она сразу же становилась холодной как мрамор. Он не мог понять ее, начал побаиваться, и его гордость забила тревогу.

Глава XVII. Смерть мэвума

Наконец путешественники прибыли к развалинам поселения, которое оставили арабы несколько недель тому назад. К счастью, разрушения оказались вблизи не такими большими, как казалось вначале. Внутри дома, правда, выгорели; но стены их были целы, а многие хижины туземцев совершенно не тронуты. Леонард послал вперед людей сказать туземцам о возвращении Пастушки, – весть быстро облетела соседние краали, и жители их толпами стекались к лагерю путешественников. С ними были и те сто людей Мэвума, которые не попали в плен к Перейре. Все они вышли навстречу Хуанне. Встреча девушки была самой трогательной. Мужчины, женщины и дети бежали навстречу; мужчины приветствовали ее радостными криками и поднятыми вверх руками, а женщины и дети целовали ей платье и руки.

Нетерпеливо отстранив женщин, Хуанна стала расспрашивать мужчин, не слышали ли они что-либо об ее отце. Но они отвечали отрицательно. Некоторые из них отправились вверх по реке на поиски его в тот самый день, когда она была захвачена в плен, но до сих пор еще не вернулись.

История взятия и разрушения лагеря работорговцев тем временем была рассказана туземцам освобожденными пленниками, и волнение достигло апогея. Оттер, видя удобный случай воспеть славу своего господина, метался взад и вперед среди толпы, потрясая копьем и распевая по зулусскому обычаю хвалебный гимн Леонарду.

– Слушайте! – говорил он. – Слушайте! Смотри на него, народ, и удивляйся!

Воздайте хвалу тому, кто сокрушил силу угнетателя!

Воздайте хвалу ему, пастырю Пастушки, которую он увел из дома злодея!

Воздайте ему хвалу, дети Мэвума, в его руках жизнь и смерть!

– Воздайте ему хвалу!

Никогда еще о таких подвигах не было слышно на этой земле!

Воздайте хвалу ему – избавителю, возвратившему вам ваших детей!

– Да, воздайте ему хвалу! – сказала стоявшая возле него Хуанна. – Воздайте ему хвалу, дети моего отца, так как без него никто из нас не увидел бы дневного света!

Как раз в это время появился Леонард, слышавший слова Хуанны. Все поселенцы бросились к нему навстречу.

– Хвала тебе, пастырь Пастушки! – кричали они. – Хвала тебе, избавитель!

С этого дня Леонард стал известен у туземцев под именем «Избавителя».

Вечером того же дня, когда Леонард, Хуанна и Оттер сидели за обедом в доме Мэвума, с беспокойством рассуждая о судьбе мистера Родда и удивляясь, отчего о нем нет до сих пор

никаких известий, они услышали шум среди туземцев на дворе. В тот же момент вбежал Оттер с криком: «Мэвум прибыл!»

Все тотчас вскочили со своих мест и во главе с Хуанной выбежали во двор, где шесть человек держали носилки, на которых лежал мужчина, покрытый одеялами.

– О! Он умер, – сказала Хуанна, внезапно останавливаясь и прижимая руки к сердцу.

На одно мгновение Леонард подумал, что она права, но прежде, чем он успел сказать что-либо, с носилок послышался слабый голос, просивший туземцев нести осторожнее, и Хуанна бросилась вперед с криком: «Папа! Папа!»

Носильщики внесли мистера Родда в дом и поставили носилки на пол. Леонард увидел перед собою высокого красивого мужчину лет пятидесяти; судя по всему, он был близок к смерти.

– Хуанна, – с трудом произнес мистер Родд, – это ты? Значит, ты спасена? Слава богу! Теперь я могу умереть спокойно!

Мы не будем передавать всех подробностей последовавшего затем бессвязного разговора между отцом и дочерью. Скажем только, что Леонард узнал все подробности о случившемся с мистером Роддом несчастии.

По-видимому, мистера Родда постигла неудача в поисках слоновой кости. Не желая, однако, возвращаться с пустыми руками, он решил подняться далее вверх по реке, но также безуспешно. Он уже возвращался домой, как встретил людей, посланных Соа, и услышал от них страшную новость о похищении его дочери Перейрой.

Стояла ночь, когда он получил это известие, и было слишком темно для того, чтобы продолжать путь. Но, под влиянием винных паров, он решил сразу же отправиться за дочерью, несмотря на ночную темноту. Напрасно его люди указывали ему на опасность путешествия ночью. Он не обратил на их советы никакого внимания, и они тронулись в путь. Однако путешествие их продолжалось недолго: вскоре они услышали проклятия и шум, вслед за которыми их господин исчез, и они не могли найти его до самого рассвета. Тогда только они увидели, что находились на краю небольшой, но крутой скалы, и у подножия ее лежал Мэвум, – не мертвый, но без чувств, с тремя ранами и со сломанной правой ногой. Несколько дней они ухаживали за ним, пока наконец он не приказал отнести себя домой на носилках.

Леонард осмотрел раны мистера Родда и нашел их смертельными. Однако он еще был жив.

На следующее утро умирающий послал за Леонардом. Войдя в комнату, Леонард увидел его лежавшим на полу; голова его покоилась на коленях у дочери, а патер Франциско молился возле него.

– Мистер Утрам, – сказал умирающий, – я знаю историю взятия лагеря и освобождения моей дочери. Это было самое смелое дело, о котором я когда-либо слышал, и только сожалею, что меня не было с вами!

– Не говорите об этом, – сказал Леонард. – Быть может, вы слышали также, что я сделал это из известного расчета!

– Да, мне говорили об этом, но вас порицать тут не за что. Если бы только старая дура Соа посвятила меня в тайну этих рубинов, я сам давно бы отправился на поиски. Ну, по крайней мере, я надеюсь, что вам удастся добыть их. Но у меня нет времени говорить о рубинах, так как смерть уже висит надо мною. Теперь слушайте, товарищ, что я вам скажу. Я нахожусь в безвыходном положении и страшно беспокоюсь, не за себя, конечно, – не велика важность, если свет избавится от такого бесполезного человека, как я, – а за свою дочь. Что станет с нею? Я не оставлю ей ни цента. Эти проклятые работорговцы отняли у меня все. Мне остается только поручить дочь вашему попечению. Я слышал, что вы оба проделали брачную церемонию, там, в лагере работорговцев, и не знаю, как устроятся ваши отношения с Хуанной после моей смерти. Но что бы ни случилось, я полагаюсь на вашу честь английского Джейнтльмена,

я могу доверять ее только вам. Дайте мне слово, что вы будете смотреть за ней; а если ей будет угрожать самое худшее, то у нее есть яд для защиты. Ну, что же вы скажете?

Леонард задумался, причем умирающий с беспокойством следил за ним.

– Я беру на себя очень тяжелую ответственность, – наконец произнес он, – но пусть будет так. Я буду заботиться о ней так, как если бы она была моей женою или дочерью!

– Благодарю вас! – сказал мистер Родд. – Я верю вам!

Леонард взял руку, которую протянул ему с видимым усилием мистер Родд и которая тяжело упала снова, как рука мертвеца.

Тем же вечером мистер Родд спокойно скончался, и на другой день состоялись его похороны, причем Франциско совершал погребальную службу. После этого прошло три дня, и Леонард не начинал разговора с Хуанной относительно продолжения путешествия, решив не заикаться об этом, пока она сама не заговорит. Наконец Хуанна обратилась к нему с вопросом:

– Мистер Утрам, когда вы предполагаете отправиться в это путешествие?

– Право, не знаю. Я совсем не уверен, что вообще когда-либо отправлюсь. Это зависит от вас. Вы знаете, что я ответствен за вас, и моя совесть не позволяет мне вовлекать вас в такие экскурсии!

– Пожалуйста, не говорите так, – отвечала она. – Я должна вам сказать, что сама решила отправиться туда!

– Однако вы без меня не можете отправиться! – сказал он с улыбкой.

– Неправда, – смело возразила Хуанна, – я могу отправиться и одна, и Соа будет указывать мне дорогу. Вот вы не можете идти без меня, если только Соа говорит правду. Плохо это или хорошо, но мы пока действовали вместе, мистер Утрам, и не к чему теперь пытаться идти разными дорогами!

Сейчас отношение Леонарда к священнику значительно улучшилось. Он понял теперь, что Франциско был человек честный, с благородными намерениями; естественно, что в затруднительных случаях Леонард начал обращаться к нему за советами. Франциско спокойно выслушал рассказ Леонарда и посоветовал ему отправиться на поиски сокровища вместе с Хуанной, да и сам выразил желание присоединиться к ним.

Глава XVIII. Соа показывает зубы...

Прошло три месяца с того дня, как Хуанна объявила свое непоколебимое решение сопровождать Леонарда в поисках сокровищ «народа тумана».

Был вечер, и путешественники расположились на отдых на берегу реки, протекавшей по большой пустынной равнине. Среди них было трое белых: Леонард, Франциско и Хуанна, а остальные – туземцы: 15 поселенцев под предводительством Питера, того самого, который был освобожден из лагеря Перейры, карлик Оттер и старая нянька Хуанны – Соа.

В течение 12 недель уже путешествовали они, следуя указаниям Соа, и двигались к северо-западу. Сначала они плыли вниз по реке в лодках в течение десяти дней. Затем, оставив главное русло реки, три недели поднимались по его притоку Мавуэ, на протяжении нескольких миль омывавшему подошву горной цепи, носившей название Манганджа. Вскоре встреченные ими на реке пороги заставили их продолжать путешествие пешком.

Опасности речного путешествия были велики, но их нельзя и сравнить с тем, что пришлось им пережить за время долгого пути по неизвестной стране, грозившей самыми разными опасностями. Равнина тянулась за равниной, пустыня за пустыней и, казалось, этому не будет конца.

Мало-помалу климат становился холоднее: они перешли часть неисследованного плато, отделявшего Южную Африку от Центральной. Пустынность этой местности была так ужасна, что носильщики начали роптать на то, что их ведут на край света, где они найдут свою смерть. В одном только отношении путешествие по этой стране имело преимущество: благодаря возвышенности места нечего было бояться лихорадки, и путешественники не рисковали заблудиться, так как, по словам Соа, следуя вдоль берега реки, можно было попасть на территорию народа тумана, где находятся источники Замбези.

Мы не будем вдаваться в описание бесчисленных приключений, с которыми путешественники имели дело на каждом шагу, их встреч с дикими животными и однажды даже с дикарями. Столкновение с последними окончилось для наших друзей благополучно благодаря огнестрельному оружию, с которым туземцы этих мест еще не были знакомы.

Наконец они достигли границы страны «народа тумана». Прямо перед ними, не далее мили, возвышался громадный утес, или скалистая стена, тянувшаяся поперек равнины как гигантская ступень, на расстояние, какое только можно было окинуть глазом, и имевшая высоту от 8000 до 10 000 футов. С высоты этого плато стекала река с чередой прекрасных водопадов.

Прежде чем путешественники закончили свой ужин, взошла луна, и при ее свете три европейца стали осматривать это грозное естественное укрепление, с удивлением спрашивая себя, неужели они должны взбираться на эту твердыню и какие ужасы ожидают их за нею? В душе они уже сожалели, что решились на такое безумное путешествие.

Леонард взглянул вправо, где шагах в пятидесяти от него их черные спутники возились около костра. Они молчали и, очевидно, также были удручены мыслью о предстоящих опасностях.

В это время Соа подошла к ним и сказала:

– Избавитель, несколько месяцев тому назад, когда ты рыл золото у могильной горы, я заключила с тобой договор и обещала провести тебя в страну, где можно достать драгоценные камни, если ты освободишь мою госпожу. Ты спас мою госпожу, ее отец умер, и теперь настало время исполнить свое обещание. Если бы на то была моя Юля, я никогда бы не исполнила его, так как, уже заключая условие, я хотела обмануть тебя. Но моя госпожа отказывается слушать меня. «Нет, – говорит она, – то, что ты обещала от моего имени, должна исполнить, иначе, Соа, между нами все будет кончено!»

Тогда, Избавитель, чтобы не расставаться с тою, кого я любила и воспитала с детских лет, я уступила. И вот теперь вы стоите у границ страны моего народа. Скажи, Избавитель, ты намерен перейти их?

– Для чего же я пришел сюда, Соа? – ответил он.

– Ну, я не знаю. Ты пришел сюда, чтобы удовлетворить безумное желание твоего сердца. Слушайте: то, что я тебе рассказывала, верно, но я тебе еще не сказала всей правды. За теми горами живет народ высокого роста, сильный народ, у которого есть обычай приносить иностранцев в жертву своим богам. Идите туда, и они убьют вас!

– Прекрасно! Однако я прошел сотни миль не для того, чтобы накануне достижения своей цели повернуть назад. Ты можешь оставить меня одного, если угодно, но я пойду. Я не хочу быть одураченным!

– Никто из нас не хочет быть одураченным, мистер Утрам, – кратко заметила Хуанна, – по крайней мере я предпочту умереть, чем вернуться назад ни с чем. А ты, Соа, скажи же, наконец, что мы должны сделать, чтобы примирить с тобою твоих очаровательных соплеменников? Вспомни, – прибавила она, сверкнув глазами, – что я не позволю шутить над собою, Соа. В этом деле интересы Избавителя совпадают с моими, его гибель – моя гибель!

– Твоя воля – моя воля, госпожа, – отвечала Соа, – я люблю тебя одну в целом свете, а остальных ненавижу! – прибавила она, посмотрев на Леонарда и Оттера. – Слушай! У моего народа есть закон, по крайней мере, он был, когда я еще жила среди него, сорок лет тому назад. По этому закону всякий иностранец, перешедший границу летом, приносится в жертву матери Аке, а явившийся зимою – ее сыну Джалю, так как жители Туманной страны не любят иностранцев. Но моему народу было предсказано, что Ака-мать и Джаль-сын вернутся в страну, которой они некогда правили, в человеческом образе. Ака будет иметь такой же вид, как у тебя, госпожа, а Джаль – вид этой черной собаки карлика, которого я в своем безумии и приняла за божество, увидев впервые. Когда мать и сын вернутся в страну, короли ее должны будут сложить свою власть, а жрецы Змея будут служить им. С богами в страну вернутся мир и счастье, которые не прекратятся никогда. Госпожа, ты знаешь язык моего народа; я в детстве обучала тебя ему, ты знаешь также песню, священную песнь возвращения, которую будет петь Ака, когда она вернется в свою страну. Я научу тебя, что нужно делать потом!

На следующее утро, на заре, Леонард проснулся от шума, поднятого его спутниками-туземцами. Подойдя к ним ближе, он догадался о причине его: два бушмена¹⁰, подкравшись к лагерю путешественников, стащили несколько мелких вещей и пытались скрыться с ними, но были пойманы. Негодники были от страха, пока их не успокоили, подарив им несколько пустых патронов и зернышек бус. Когда наконец было восстановлено спокойствие, Оттер, при помощи одного из людей Мэвума, знавших язык бушменов, стал расспрашивать дикарей о стране, лежавшей за скалистой стеной. Они отвечали, что сами никогда не осмеливались проникнуть туда, но слышали о ней от других. По их словам, страна эта холодна и чрезвычайно туманна; в ней живут рослые люди, одевающиеся в звериные шкуры и приносящие иностранцев в жертву Змею, которого они боготворят, а всех своих красивейших девушек отдают в жены богу. Вот и все, что они знают об этой стране, так как те немногие, которые проникали туда, никогда не возвращались обратно. Очевидно, это заколдованная страна.

Увидев, что у этих людей больше нельзя ничего узнать, Леонард отпустил их; бушмены убрались с чрезвычайной поспешностью. Затем он приказал поселенцам готовиться к выступлению. Но здесь возникло новое затруднение. Переводчик повторил рассказ бушменов своим товарищам, среди которых он произвел немалый эффект. Поэтому носильщики, выслушав приказание Леонарда, вместо того, чтобы складывать вещи путешественников, после короткого совещания в полном составе подошли к Леонарду.

¹⁰ Бушмены – народ, живущий в Южной и Юго-Восточной Африке.

– В чем дело, Питер? – спросил он у их вожака.

– Избавитель, – начал тот, – мы не хотим идти туда на верную смерть! Правда, и назад трудновато идти, но все же лучше: хотя немногие из нас могут вернуться живыми к своим хижинам, но если мы пойдем туда, – указал он на скалистую стену, – то все умрем, принесенные в жертву дьяволу дьяволами!

Леонард задумчиво пощипал свою бороду и наконец сказал:

– В таком случае, Питер, мне кажется, ничего более не остается сказать, кроме – прощайте!

Питер поклонился и пошел прочь со сконфуженным лицом, но Хуанна остановила его. Вместе с Оттером и другими она молча слушала разговор и теперь впервые заговорила.

– Питер, – кротко сказала она, – когда ты и твои товарищи были в руках Желтого дьявола, кто освободил вас?

– Избавитель, Пастушка!

– Так. А теперь, должно быть, мои уши обманывают меня и я слышала, что ты и твои братья, спасенные Избавителем от позора и лишений, хотите покинуть его в минуту опасности?

– Ты слышала верно, Пастушка! – отвечал печально Питер.

– Хорошо. Идите, дети Мэвума, моего отца, покиньте меня в нужде, так как знайте, что я, белая женщина, пойду одна с Избавителем туда, куда вы боитесь ступить. Идите, дети моего отца, и пусть мир будет с вами, если это возможно. Как вы знаете, я верно предсказала гибель Желтого дьявола; теперь я предскажу вам, что немногие из вас увидят снова свои краали, и ты, Питер, не будешь в числе их. Те же, которые целы и невредимы вернутся домой, будут покрыты позором!

Эта горячая речь заставила одуматься поселенцев, и они все изъявили желание идти за Хуанной хоть на край света.

Глава XIX. Конец путешествия

Через час путешественники начали восхождение на скалистую стену, что оказалось еще более трудным, чем они предполагали. Дорог здесь не было никаких, так как те, кто жил за этой естественной крепостью, никогда не выходили за нее, а многие жители равнин почти никогда не отваживались подниматься по ее скалам. За неимением других дорог путешественники следовали вдоль реки, падающей с грохотом вниз четырьмя большими водопадами. Восхождение оказалось настолько трудным, что Леонард хотел уже отказаться от попыток взойти на скалистую стену и, следуя вдоль ее подошвы, постараться найти какую-либо иную дорогу, но Оттер, с ловкостью кошки взбиравшийся по отвесным скалам, с помощью веревки помог преодолеть наиболее опасные места, так что поздно вечером путешественники наконец очутились на вершине стены. Ночь провели они плохо, страдая от холода, сырости и страшного ветра, пронизывавшего их до костей. Утром вся равнина оказалась покрытой туманом, который не исчез и к девяти часам, но они решились продолжать свое путешествие под руководством Соа, следуя к северу по восточному берегу реки. Целый день шли они, блуждая в тумане, как привидения, и ориентируясь лишь глухим журчанием реки. За это время они не встретили ни одного живого существа, кроме большого стада быков с прекрасной белой шерстью. Одно из этих животных было убито Леонардом, так как их запасы еды истощились. Путешественники решили остановиться на ночлег вблизи того места, где было убито животное. Но в то время, как они снимали шкуру со своей добычи, произошло новое происшествие, которое никак не могло способствовать поднятию их духа. Во время заката солнца небо несколько прояснилось – по крайней мере, красный диск стал виден сквозь туман, и они внезапно заметили гигантскую фигуру человека, одетого в козью шкуру, с большим копьем в руке и висевшим на бедре луком. Хуанна первая заметила его и с ужасом указала Леонарду на видение, в торжественном молчании наблюдавшее за ними. Леонард, держа наготове ружье, бросился к тому месту, где стоял неизвестный, но тот тут же исчез в тумане. Не успел Леонард вернуться к Хуанне, как в воздухе что-то просвистело и ударилось о землю вблизи него: нагнувшись, Леонард увидел большую стрелу с зазубренным острием и красными перьями на конце. Подняв ружье, он сделал выстрел в том направлении, откуда была послана стрела, и приказал своему маленькому отряду приготовиться к защите, но никто больше не появлялся. Ночь путешественники провели без сна, ожидая нападения и дрожа от холода. Они поняли, что Соа говорила правду и что легенда бушменов о великанах, покрытых шкурами, – не измышление дикарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.